

ВАДИМ ПАНОВ

КРАСНАЯ
УГРОЗА

ТАИНЫИ ГОРОД

Тайный Город

Вадим Панов
Красная угроза

«Панов Вадим»

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Панов В. Ю.

Красная угроза / В. Ю. Панов — «Панов Вадим», «Эксмо»,
2018 — (Тайный Город)

ISBN 978-5-04-098702-3

Возвращение на вершину власти требует много времени и сил, но и того, и другого у Ярги, первого князя великой Нави, в достатке. Хитростью и подлостью он сокрушил Зеленый Дом, власть в котором захватили его преданные сторонницы, и теперь обратил свой взор на Орден, угрожая оставить Сантьягу без союзников. В Тайном Городе появляется маг невиданной силы. Маг, тщательно скрывающий свое происхождение. Маг, без колебаний убивающий навов. Над Тайным Городом нависла красная угроза.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098702-3

© Панов В. Ю., 2018
© Панов Вадим, 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Пролог	6
День первый	12
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Вадим Юрьевич Панов

Красная угроза

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Панов В. Ю., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Пролог

Глубокая московская ночь коротка, как юбка дерзкой студентки-первокурсницы. Не все, конечно, ночи, а только летние. И не все летние, а только те из них, что приходят в июне и начале июля. В эти месяцы ночи падают на город, подобно выпрыгнувшему из засады убийце, наваливаются на Москву, пытаясь навсегда закатать её в рыхлую жаркую тьму, но лишь чернят старые камни, ненадолго обращая мир в свою веру, и быстро убегают, угрюмо обещая собраться с силами к августу, чтобы потом, осенью и зимой, показать москвичам свою истинную мощь.

Глубокая летняя ночь не имеет собственного смысла, а служит сигналом: припозднившиеся гуляки понимают, что пора расходиться, и, зевая, бредут по домам; ворочаются, разглядывая последние сны дворники и те, чей рабочий день начинается в пять утра, а патрульные полицейские едва борются с дремотой, встречая самую тяжкую часть дежурства. Глубокая ночь уходит, едва облапив город тьмой, но Москва не просыпается, а лишь натягивает на голову одеяло, укрываясь от поднимающегося солнца. И замирает, проваливаясь в крепкий предутренний сон.

И именно глубокой московской ночью, когда летняя тьма набрала полную силу и её покрывало стало непроницаемым, на опустевшей Пятницкой появился высокий, очень худой старик, облачённый в старомодный тёмный костюм. Он прогулялся от Москвы-реки вверх по улице, равнодушно разглядывая купающиеся во мраке дома, свернул в переулок и скрылся в старом двухэтажном особняке, прячущемся в маленьком дворике. Обычные жители Замоскворечья, заурядные, не знающие магии и Тайного Города челы, считали, что в небольшом домике с имперских времен располагается одно из никому не нужных государственных учреждений, странным образом не попавшее в поле зрения жадных до захвата ценной недвижимости чиновников, но они ошибались. Обычные жители Замоскворечья понятия не имели, что сухопарый старик был не человеком, а существом намного более древним, – навом по имени Баррага, самым знаменитым мастером големов Тайного Города, и жадные чиновники могли отнять у него разве что время, но никак не собственность.

Войдя в особняк, Баррага включил в гостиной свет – одно-единственное бра на дальней стене, и некоторое время переминался у дверей, словно раздумывая, а если называть вещи своими именами – явно не зная, что делать дальше, и пребывая в сомнениях и растерянности, что с навами случалось невероятно редко. Он посмотрел на наручные часы, хотя прекрасно знал, что они покажут, затем перевёл взгляд на каминные, покачал головой, потянулся к выключателю, намереваясь погасить бра и уйти, но сдержался. Он как будто согласился на встречу – нехотя или необдуманно, и теперь корил себя за проявленную слабость.

Баррага вёл себя так, словно его обуревали плохие предчувствия.

Но, несмотря на них, он принял решение остаться в особняке, прошёл к стоящему справа от бра креслу, уселся и замер, подперев подбородок рукой. Словно обратился в статую, которых в гостиной было достаточно.

Комната предназначалась для встреч с клиентами, и Баррага обставил её соответственно: два кресла, журнальный столик, диван, изящно отделанный камин, несколько книжных полок и довольно много пустого пространства в центре – словно танцпол. В действительности нав не танцевал и не любил, когда под музыку двигались вокруг, а использовал центр гостиной для демонстрации своего товара. И хотя на предстоящей встрече Баррага не собирался ничего показывать, образцы из гостиной не убрал, и в углах комнаты стояли искусные скульптуры, каждая из которых представляла собой одного из знаменитых големов старого мастера: длинный, закованный в броню Лунатик, сжимающий герданы; приземистый и очень мощный Тур, не такой быстрый, как Лунатик, зато умеющий защитить территорию не хуже крепостной

стены; зубастая Гончая, способная без усталости преследовать добычу и днём, и ночью; и Кусто – голем, созданный Баррагой для войны под водой и потому пребывающий в стеклянной колбе. А журнальный столик украшала мраморная статуэтка ястреба, выполненная с таким мастерством, что птица казалась живой.

Но такой же неподвижной, как задумавшийся нав.

Абсолютный штиль царил в гостиной до двух сорока пяти, когда в её тишине громом прогремел телефонный звонок. Баррага поморщился, достал из кармана пиджака смартфон и бросил на журнальный столик, предварительно выбрав громкую связь.

– Да?

– Доброй ночи, – вежливо произнёс мужчина на другом конце линии.

– Доброй, – чуть помолчав, отозвался нав.

– Вы обещали маяк.

Баррага тяжко вздохнул, отказываясь от последней возможности изменить принятое решение, буркнул:

– Входи.

И сделал пасс левой рукой.

На паркете засветился тёмно-синий круг со сложными, напоминающими иероглифы письменами внутри, а примерно через восемь секунд над кругом появился быстрый тёмный вихрь, из которого в комнату шагнул мужчина в сильно запылённой рабочей одежде: крепкие ботинки, штаны-карго, рубашка и жилет с многочисленными карманами. В руках мужчина держал прямоугольный предмет, завернутый в плотную коричневую бумагу. Как только он вошёл, чернильный вихрь магического портала растаял, а указавший ему путь маяк погас, не оставив на паркете никаких следов.

Оказавшись в гостиной, мужчина поклонился, но без подобострастия, демонстрируя уважение, а не унижение. Но остался стоять перед сидящим Баррагой, показывая, кто здесь старший.

– К чему предосторожности, Муса? – угрюмо спросил мастер.

– Кажется, за мной следят.

– Кажется или следят?

– Вам известны пределы моих магических способностей, мастер, – ответил мужчина, крепко сжимая в руках завернутый в бумагу пакет, похоже, довольно тяжёлый. – Я не в силах противостоять опытному колдуну.

– Тогда почему ты решил, что за тобой следят? – поинтересовался нав, по-прежнему не покидая кресла. – Предчувствия?

– Да.

Баррага молча кивнул. Не стал говорить Мусе, что его самого обуревают нехорошие мысли, только связанные, увы, отнюдь не со слезкой. Старый мастер даже думал срочно позвонить Сантьяге, но отказался от этой мысли, поскольку не мог подкрепить свои слова ничем, кроме предчувствий, и не хотел выглядеть трусом. Не хотел показывать, что едва ощутимые подозрения – неясные и эфемерные, – способны его напугать.

– Здесь ты в безопасности, – сказал Баррага то ли гостю, то ли себе.

– Надеюсь, – мрачно отозвался Муса и машинально огляделся.

Машинально и нервно.

– Не доверяешь моему слову?

– Доверяю, – искренне ответил мужчина. – Но мы не знаем, кто за нами идёт.

А вот это замечание разозлило старого мастера настолько, что он не удержался от проявления эмоций.

– Я – нав, – гордо напомнил он, изгибая тонкие бледные губы в презрительной усмешке. – Я живу так долго, что помню обезьян, которых вы зачем-то стали именовать своими предками.

Я помню все пожары Москвы и два из них устроил лично. Я видел, как приходят в упадок цивилизации, а на их месте поднимаются новые, сильные, злые и очень молодые... Не страны, чел, не государства, а целые цивилизации. И если я говорю, что здесь безопасно, значит, здесь безопасно.

– Да, мастер, – на этот раз Муса поклонился почти униженно.

– Дай книгу.

Мужчина исполнил приказ, протянул наву пакет и вернулся в центр комнаты, чтобы их по-прежнему разделяло несколько шагов. Баррага взвесил свёрток в руке, помолчал и, не разворачивая, спросил:

– Почему ты решил, что за тобой следят?

– Я...

– Я знаю тебя достаточно, Муса: одних предчувствий мало, ты бы не обратил на них внимания.

– Верно, мастер, – признал мужчина.

– Что вызвало твои подозрения?

– Книга, которую я нашёл в тайнике Джувейни – копия.

– Ты уверен? – очень тихо спросил Баррага.

– Абсолютно.

– У тебя не было времени на её изучение.

– Книга не полна, – вздохнул Муса. – В ней только первая часть – дневник Саббаха, в котором он рассказывает о своей юности. Самое интересное отсутствует.

– Тогда зачем ты её принес?

– В ней всё равно содержится много информации, мастер, – ответил мужчина. – Причём той самой информации, которую вы искали. И есть кое-что интересное о родителях Старца Горы.

Нав, держа свёрток на вытянутой руке, несколько секунд разглядывал так, словно собирался вернуть Мусе, после чего продолжил:

– В том, что ты отыскал лишь копию книги Саббаха, нет ничего удивительного: известно, что Джувейни сжёг библиотеку. Помнится, мы с тобой надеялись, что Старец Горы подстраховался и создал несколько экземпляров книги, следовательно, наша надежда оправдалась.

– Всё так, мастер, однако багдадские друзья сообщили, что примерно год назад кто-то начал наводить справки о наследии Насира ад-Дина ат-Туси, – осторожно продолжил Муса. – Я полагаю, мы с этими неизвестными шли к одной цели, но разными дорогами: я не подумал об ат-Туси, они не подумали о Джувейни. – Мужчина выдержал паузу и мрачно закончил: – И ещё мне кажется, что книги были у обоих учёных.

– Но неизвестные на год опережают нас в изучении трудов Саббаха, – закончил мысль старик.

– Именно так, мастер, – подтвердил Муса.

– А если у них есть кольца...

– Они уже научились вызывать джиннов.

Несколько секунд нав и чел смотрели друг другу в глаза, после чего Баррага положил книгу на столик и сделал очень быстрый, но при этом – выверенный до сотой доли дюйма пасс рукой. Однако на сей раз магический круг не засветился.

Муса вопросительно поднял брови, и нав ответил:

– За тобой действительно следили.

– Они здесь? – вздрогнул мужчина.

– Лаборатория великолепно защищена, сюда невозможно сделать портал без моего разрешения, но теперь невозможно построить портал отсюда, – очень спокойно произнёс Баррага. –

Нас накрыли мощным искажающим заклинанием, а ещё... – Он бросил взгляд на смартфон. – А ещё нам отключили всякую связь.

Это была не ловушка, а атака, причём высочайшего уровня. К Барраге явился опасный враг, не желающий отдавать старому наву драгоценную книгу.

– Вы можете заблокировать лабораторию изнутри? – дрожащим голосом спросил Муса.

– Уже нет...

– Уже?

– К нам заявился кто-то очень хорошо подготовленный, – ответил старик, и его уши едва заметно заострились.

– Кто?

– Полагаю, сейчас узнаем.

И в следующий миг, словно дождавшись разрешающего сигнала, раздался тихий стук во входную дверь.

– Не заперто, – громко сказал Баррага, поднимаясь на ноги.

Муса встал справа от него, сглотнул и спросил:

– Зачем вы открыли?

– У меня не было выхода...

– Мир вам!

Гость застыл на пороге: невысокая, неясная фигура, плотно закутанная в чёрный плащ с низко надвинутым капюшоном. Руки прячутся в широкие рукава. Голова опущена. Но при этом голос – неожиданно звонкий, легко заполнивший всю комнату.

– Мир вам!

– Мир или смерть? – нервно уточнил Муса.

Баррага вздохнул и ослабил узел галстука. При этом его длинные тонкие пальцы ловко и незаметно создали целый ряд заклинаний жеста, формируя магический фундамент предстоящей схватки.

– Мне действительно жаль, что так получилось, – с печалью произнёс пришелец.

– Ты ещё можешь уйти, – заметил нав.

– Я приму ваше предложение, но лишь в том случае, если вы отдадите мне книгу и чела, который её читал.

Муса побледнел, но в следующий миг слегка успокоился, услышав уверенный голос Барраги:

– Предложение отклонено.

Но пришелец попытался продолжить:

– В книге, которую принёс ваш друг, нет того, что вам нужно, но есть то, что я хочу сохранить в тайне. Мы можем договориться, мастер. Пожалуйста.

– Ты боишься тронуть нава, – усмехнулся Баррага.

– Да, мне не нужны лишние проблемы, – подтвердил незнакомец.

– Тогда уходи.

На мгновение, всего на одно мгновение Мусе показалось, что твёрдая позиция старика сделала своё дело и опасный гость вот-вот уйдёт... Но всего лишь показалось.

– Я ценю пытливые умы и огорчён тем, что ваша смерть станет следствием желания узнать нечто новое, – с сожалением произнёс пришелец.

– Я ещё не умер, – угрюмо ответил нав.

– Это ненадолго.

– Сделайте что-нибудь! – неожиданно прокричал Муса.

И Баррага сделал.

Ударил сразу и невероятно сильно. Ударил насмерть. Вложил в удар всё, что у него было под рукой, потому что понимал – иначе с таинственным гостем не справиться.

Во-первых, незнакомца атаковали големы. Тур, Лунатик и Гончая сорвались с места одновременно и за долю секунды выстроились в продуманный боевой порядок: вперёд вырвался Тур, которому предстояло принять на себя первый выпад противника; сразу за массивным здоровяком мчался Лунатик – он должен был нанести решающий удар, пройдя по костям погибшего Тура; а справа, отвлекая внимание врага, торопилась в бой зубастая Гончая. Во-вторых, сам нав не собирался отсиживаться за спинами искусственных существ. Во владении магией подданные Тёмного Двора достигли совершенства, и Баррага не сомневался, что сумеет пробить защиту дерзкого врага, сначала ослабив её хитроумным «Навским арканом», высасывающим из колдунов магическую энергию, а затем сокрушительной «Эльфийской стрелой», стремительной, прожигающей всё на своём пути молнией. Атака была подготовлена на славу, и в любой другой ситуации завершилась бы успехом, но... Но за секунду до того, как големы сорвались с места, а Баррага сформировал «Навский аркан», фигура в чёрном плаще неожиданно расплылась, словно внутри неё взорвалась граната, а возникшее на её месте чёрное пятно прорезали красные молнии. Ослепительные красные вспышки, тут же обратившиеся красными облаками, а затем – красными воинами. Парящими в воздухе бойцами, сотканными из языков огня и вооружёнными острыми, как бритва, саблями.

– Джинны! – не удержался от изумлённого восклицания Муса. – Они всё-таки существуют!

– Плохо! – процедил Баррага. – Очень плохо...

Потому что массивный Тур не принял на себя удар, а проскочил сквозь первого противника, словно тот действительно был облаком или сгустком тумана. Потому что тяжеленные герданы Лунатика пролетели сквозь парящих воинов, не причинив им никакого вреда. Потому что Гончая завертелась, подпрыгнула, намереваясь вцепиться во врагов, но шлёпнулась на пол и заскулила. А затем ударили джинны. Первым ответным выпадом Лунатику играючи снесли голову, а Туру – руки. Гончая повторила прыжок, извернулась, уходя от сабель, поднырнула под «своего» джинна, проскочила под ним, намереваясь добраться до всё ещё стоящего на пороге убийцы, но была поймана за шкуру и резко подброшена вверх, после чего в неё вонзился острый клинок, с убийственной точностью пробивший мозг искусственного существа. А тяжеленный магический удар Барраги оказался невероятным образом парирован: незнакомец заблокировал «Навский аркан» и принял на колдовской щит молнию. Атаковать во второй раз нав не успел: подоспевший джинн резанул ему по горлу обсидиановым клинком. Нав захрипел, с ненавистью глядя на тёмную фигуру убийцы, начал медленно заваливаться назад, попытался остаться на ногах, но не удержался, повалился в кресло. Одной рукой старик зажимал рану, а другой нащупал статуэтку ястреба, сжал её, словно собираясь использовать в качестве оружия, но подоспевший джинн ударил Баррагу ещё раз, точнее, и голова старика покатилась в угол.

Рука Барраги разжалась, и старик повалился на пол.

– Я не хочу умирать, – прошептал прижавшийся к стене Муса. – Я никому ничего не скажу. Никому...

Но убийца не верил на слово.

Тот самый джинн, который расправился с Гончей, неспешно подлетел к перепуганному челу и коротким, очень расчётливым движением насадил его на сабельный клинок. Муса жалобно всхрипнул и рухнул, оставив алый след на стене.

Всё было кончено.

Джинны исчезли, обратившись в туманные облака и вернувшись под чёрный плащ убийцы. После чего тот медленно вошёл в гостиную, наклонился, разорвал обёрточную бумагу и убедился, что перед ним именно та книга, которую он предполагал увидеть. Но раскрывать её не стал, вновь бросил на пол, выпрямился, извлёк из складок плаща стеклянную банку с чёрным порошком, открыл крышку, двумя щедрыми взмахами рассыпал порошок по гости-

ной, бросил банку, постоял, наблюдая за тем, как чёрная пыль стала медленно раскаляться, оборачиваясь мельчайшими угольками, кивнул и вышел вон.

А ещё через несколько секунд валяющийся под журнальным столиком ястреб неожиданно вскочил, издал короткий крик, вспорхнул на подлокотник кресла и несколько секунд разглядывал мёртвого хозяина, наклоняя голову то в одну, то в другую сторону. Затем издал ещё один крик, слетел на пол, к порогу, туда, где убийца находился дольше всего, внимательно, словно принюхиваясь, изучил паркет, и в тот момент, когда порошок окончательно вспыхнул, наполнив гостиную и весь дом быстрым пламенем, ястреб крикнул третий раз и вылетел через каминную трубу.

День первый

«Новейшее реалити-шоу от продюсерского центра „ЖуStudio“ бьёт рекорды популярности в эфире и сети! Бессмысленные и глубоко идиотические зарисовки из жизни Красных Шапок уверенно заняли первую строчку рейтинга на человеческом телевидении, оставив далеко позади все остальные цирки уродов и шоу бессмысленной болтовни. К челам сей аттракцион попал под названием „Отверженные“ после оглушительного провала в сети „Тиградком“, где подделка Жуция приобрела позорную известность как „Великий Дом-4“. Почему челы с такой жадностью набросились на этот дегенеративный мусор? Не получится ли так, что низкопробные зрелища проложат себе дорогу в сеть Тайного Города? Как можно избежать сей отвратительной перспективы? На эти и другие вопросы наших экспертов любезно согласился ответить сам Жуций Чейз, владелец продюсерского центра „ЖуStudio“...» (Тиградком)

«„Отверженные“! Необычно яркий и в то же время – искренний, берущий за душу рассказ о жизни тех, кто получил сокрушительный удар от несправедливой коррупционной вертикали нашей власти. Глубочайшая психологическая драма, замаскированная под телевизионное шоу, вывернула наизнанку всех думающих людей этой страны, мечтающих о свободе для себя и нас. Мы разглядели удивительную, невероятную для современного эфира Правду и задумались над ней. Мы не растеряли способность сострадать и гордимся ею. Мы собираем одежду для бездомных, и каждый, кому не повезло, может рассчитывать на миску супа от наших благотворительных центров на Рождество. Мы хотим поговорить о том, какие мы хорошие и как благотворительность делает нас ещё лучше. Встречайте нашего гостя: знаменитого Юрия Жуциева, владельца продюсерского центра „ЖуStudio“ и автора захватывающего телевизионного шоу „Отверженные“...» (Дождь)

* * *

«Баррага и К. Лаборатория функциональных скульптур»

Москва, Большой Овчинниковский переулок,

6 июля, среда, 04:06

Сообщение о пожаре поступило в половине четвёртого утра, через пятнадцать минут к пылающему особняку прибыл первый расчёт, но, несмотря на столь высокую скорость их появления и приложенные усилия, огнеборцы всё равно опоздали: им удалось лишь спасти соседние дома, жители которых высыпали на улицу и столпились за ограждением, зачарованно разглядывая погибающую лабораторию. Одни смотрели на пожар с испугом, другие – с любопытством, одни считали происходящее несчастным случаем, другие – преступлением.

– Наверняка ради точечной застройки стараются, – громко сообщила дородная женщина в шёлковом халате, вышедшая поглазеть на пожар с собачкой – чтобы пёсик прогулялся, раз уж хозяевам пришлось встать. – Воткнул нам сюда башню на двадцать этажей, вот и порадуемся.

– На двадцать не воткнут, – авторитетно отозвался дедушка из дома напротив. – Не поместится.

– Ну, на десять, тоже ничего хорошего.

Насчёт десяти этажей дедушка спорить не стал.

Что же касается Тёмного Двора, то дежурные оперативного центра узнали о случившемся едва ли не самыми последними, когда сотрудники «Тиградком» сопоставили пришедшее из МЧС сообщение с базой адресов Тайного Города и увидели, что горит лаборатория Барраги. В четыре утра в Большой Овчинниковский прибыл Ортега, а ещё через пять минут – Сантьяга, которого сопровождал Доминга, лучший, по общему мнению, предсказатель Тайного Города, член знаменитой команды «ласвегасов», личных аналитиков комиссара Тёмного Двора. Вторая половина команды – шас Тамир Кумар, остался в Цитадели, но находился на постоянной связи с Сантьягой, обеспечивая ему полную техническую поддержку.

Навы появились на месте трагедии слишком поздно и, чтобы не привлекать к себе внимания, расположились на крыше одного из соседних зданий, скрыв своё присутствие тщательно наведённым мороком.

– Почему мы узнали о случившемся из новостей? – негромко спросил Сантьяга, не сводя глаз с догорающего особняка.

Комиссар Тёмного Двора, высший боевой маг Великого Дома Навь, нёс личную ответственность за жизнь и безопасность подданных князя, и нерасторопность подчинённых его не обрадовала.

– Не из новостей, а просто: из «Тиградком», – поправил начальника Ортега.

– Почему? – коротко повторил Сантьяга.

– Лаборатория и прилегающая территория были профессионально заблокированы, – подал голос Тамир. – На особняк наведено искажающее заклинание и комплексный пакет, перекрывающий все возможные сигналы, включая SOS, который должен был послать Баррага. Дом стал для мастера ловушкой.

Навы переглянулись.

Они были похожи: все трое высокие, выше шести футов, худощавые, черноволосые и черноглазые. И отличались они – кроме черт лица, – костюмами: Ортега и Доминга предпочитали чёрные, Сантьяга явился в любимом светло-бежевом; и ещё – причёсками: Ортега и комиссар выбрали аккуратнейшие классические косые проборы, а Доминга предпочитал пышную гриву до плеч.

– Тамир, – мягко поинтересовался Сантьяга. – Вы можете уточнить, какой маг атаковал Баррагу? Из какого Дома?

Колдуны Тайного Города использовали магическую энергию своих Источников, и определить её по остаточным следам заклинаний не составляло никакого труда. С этого начиналось любое расследование: дознаватели сужали круг подозреваемых, вычисляя расу преступника. Но на этот раз стандартный протокол дал осечку.

– Лабораторию заблокировали артефактами, – сообщил Тамир. – Это мог сделать кто угодно.

– Чьи артефакты?

– Зелёного Дома, – сразу же ответил шас. – Используют энергию Колодца Дождей.

– Не удивлён, – пробормотал Ортега.

– Я тоже, – холодно поддержал помощника комиссар. – Тамир, что насчёт производителя артефактов?

– Сказать ничего не могу, – после паузы ответил «ласвегас». – Но из этого следует вывод, что их создала сильная ведьма, умеющая прятать следы.

– Мы предполагали, что на Яргу работает множество сильных ведьм, так что круг подозреваемых весьма широк, – пробубнил Ортега.

– В любом случае, она просто изготовила артефакты, – негромко произнёс Сантьяга. – Тамир, я прав?

– Да, комиссар, – подтвердил шас. – Этой ночью зелёные ведьмы у лаборатории Барраги не появлялись.

– Нужно провести детальное сканирование ауры, – предложил Ортега.

– Хорошая мысль, – произнёс Сантьяга, рассеянно разглядывая остатки особняка.

Пожарные справились с огнём и теперь заливали дымящееся пепелище, делая его максимально безопасным. Главное «развлечение» закончилось, зеваки начали расходиться, и скоро начнётся настоящее расследование: в особняк войдут опытные маги и займутся восстановлением событий по ауры и остаточным следам заклинаний. Впрочем, изрядную часть работы, во всяком случае «черновой», можно было проделать удалённо, чем и занялся находящийся в Цитадели шас. И его углублённое исследование принесло неожиданный результат:

– Во время боя использовалась энергия Карфагенского Амулета, – удивлённо доложил Тамир. – Никаких сомнений.

– Чуды? – поднял брови Ортега. И посмотрел на Сантьягу: – Кто-то хочет подставить Франца?

Комиссар едва заметно пожал плечами:

– Вполне возможно.

– Против Барраги мог выйти только сильный маг, – продолжил Ортега. – Получается, Ярга перетянул на свою сторону кого-то из командоров войны?

Сантьяга прищурился, обдумывая слова помощника, после чего поинтересовался:

– Тамир, бой вёл маг, или были применены артефакты Ордена?

На этот раз пауза затянулась. Настолько затянулась, что Сантьяга и Ортега успели обменяться удивлёнными взглядами. И лишь через минуту, не меньше, когда Доминга многозначительно кашлянул, напоминая напарнику, что его ждут, шас неуверенно протянул:

– Нет сомнений, что это был маг. Нет сомнений, что он применил один артефакт... Но при этом было ещё одно заклинание, суть которого я пока не понимаю.

– Это важно? – насторожился комиссар.

– Второе заклинание было намного мощнее применённого артефакта. Оно оставило отчётливые следы в магическом фоне, но я не могу их распознать.

– Какой-то новый аркан?

– Да, комиссар.

– Но почему рыцарь применил зелёные артефакты? – протянул Ортега. – Решил нас запутать?

Использование «чужих» магических устройств не требовало особенных усилий: активировать артефакт можно было и словом, и жестом, а сделать это мог кто угодно, даже самый обычный чел. Работа с артефактами магических способностей не требовала.

– Преступник был один, – тихо проговорил Сантьяга. – Он не настолько силён, чтобы одновременно блокировать лабораторию и вести бой с Баррагой, но по каким-то причинам не смог создать нужные артефакты... возможно – артефакты необходимой мощности.

– То есть убийца не умеет создавать артефакты?

– Мы ещё не знаем, убийца ли он... – Сантьяга выдержал короткую паузу. – Тамир, вы проверили особняк?

О чём именно спрашивает комиссар, было понятно без слов.

– Внутри находятся останки Барраги, – коротко ответил шас. – Никаких сомнений.

У Сантьяги чуть заострились уши.

Тёмный Двор крайне редко терял подданных и жестоко расплачивался за их убийство. Шасы, эрлийцы и осы могли рассчитывать на покровительство, защиту и лютую месть врагам, они привыкли чувствовать себя в безопасности, и убийство нава станет для них неприятной новостью. И они будут внимательно следить за тем, какие шаги предпримет Тёмный Двор.

– Внутри был чел, – сообщил молчавший до сих пор Доминга.

– Убийца? – тут же спросил Сантьяга.

В ответ Доминга покачал головой:

– Нет, просто чел, маг, но не очень сильный. Убийца пришёл позже. – Основной специализацией Доминги было предсказание, поэтому он продолжил: – Чел принёс неприятности Барраге и принесёт нам.

Ортега присвистнул и покосился на комиссара. Сантьяга потёр подбородок.

– Убийца пришёл за челом?

– Да. – Доминга закрыл глаза. – Чел прибыл в лабораторию по приглашению...

– Я зафиксировал следы маяка, – добавил Тамир.

– Чел работал на Баррагу?

Доминга вздохнул и покачал головой, Тамир тоже промолчал, поэтому Сантьяга посмотрел на Ортегу.

– Видимо, Баррага занимался какими-то изысканиями и наткнулся... – Помощник комиссара развёл руками.

Несколько секунд Сантьяга молча смотрел на него, после чего негромко произнёс:

– Ортега, вы должны всё о нём узнать.

– Об убийце?

– О челе, который приходил к Барраге. Это очень важно: ведь именно из-за него кто-то рискнул убить нава.

– Я вас понимаю, комиссар.

– Тамир, вы сможете в деталях воспроизвести ход сражения?

– За исключением того непонятного аркана, – ответил шас. – А он был главным элементом боя.

– Интересно... – протянул Сантьяга. – Но в принципе это объясняет проигрыш Барраги: его атаквали неизвестным заклинанием...

– Баррага какое-то время разговаривал с убийцей, – снова подал голос Доминга.

– Как долго?

– Достаточно для серьёзных переговоров.

– Возможно, убийца просил мастера не защищать чела, – предположил Ортега.

Комиссар кивнул, показав, что услышал мнение помощника и согласен с ним, и вновь обратился к шасу:

– Тамир, в лаборатории было несколько големов.

– Четверо принимали участие в сражении и были уничтожены.

– Бой происходил в гостиной?

– Да.

Сантьяга прикрыл глаза, вспоминая комнату, в которой он частенько беседовал с Баррагой за бокалом коньяка, после чего произнёс:

– Там было пять големов.

– Что? – переспросил Тамир.

– Пять големов, – спокойно повторил комиссар. – Четыре защитника и мститель.

– Я вижу следы четырёх, – после короткой паузы ответил шас. – Лунатик, Тур и Гончая убиты в бою, а Кусто сгорел в цистерне.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– В таком случае, Тамир, вы должны его найти.

– Убийцу?

– Тамир, убийцу мы будем искать вместе, – улыбнулся Сантьяга. – Найдите мстителя, который отправился за преступником.

* * *

Москва, высоко над городом,

6 июля, среда, 04:31

Парящая над городом птица ничем не отличалась от самого обыкновенного ястреба. Внешне. Размер, оперение, повадки – мститель идеально копировал настоящего хищника, но внутри ничем его не напоминал. Внутреннее устройство голема было оптимизировано под две основные задачи: найти и отомстить. Для этого Баррага снабдил птицу большим запасом автономного хода – ястреб мог находиться в воздухе трое суток, и приготовил дополнительный, очень неприятный сюрприз, гарантирующий, что убийца не сможет уйти.

Ястреб должен был напасть сразу, как только перестало биться сердце мастера големов, но помешали сковавшие особняк заклинания, и потому началась охота. Не преследование, а именно охота: ведь сначала требовалось отыскать убийцу, а к этому птица была менее приспособлена, чем к мщению. Однако подобное обстоятельство ничего не меняло: ястреб не умел анализировать, размышлять, сомневаться и уж тем более – падать духом. Его предназначение заключалось в том, чтобы догнать и убить, а поскольку убегающего преступника поблизости не обнаружилось, ястреб принялся описывать долгие круги над городом, зорко высматривая цель. Он не заглядывал сквозь стены, плохо видел в темноте, зато обладал колоссальным запасом терпения и не знал, что такое усталость.

Он был полон решимости ждать столько, сколько понадобится.

* * *

Южный Форт, штаб-квартира семьи Красные Шапки

Москва, Бутово, 6 июля, среда, 10:12

– Птиций, дружище, откуда в моем шоу взялся нарушение режима секретности? – вальяжно поинтересовался Жуций, с наслаждением любясь переливающимися на солнце перстнями. Как принято у любого уважающего себя кóнца, перстней у Жуция было не меньше семи... в смысле – ровно семь. На левой руке. И восемь на правой. А ещё две золотые цепи на шее, сопровождающие передвижения хозяина приятным перезвоном, по три золотых браслета на каждой руке и серьга с крупной жемчужиной в левом ухе. Ну и часы, разумеется, стоимостью с небольшой коттедж. – Понимаю: на тебя давят бюрократии Зелёного Дома, но поверь – я всё предусмотрел. Половина челов считает, что «Отверженные» – постановочная съёмка в студии, другой половине абсолютно до лампочки, откуда взялись эти забавные зверушки, почему они так выглядят и так говорят... Да, под зверушками я имею в виду Красных Шапок... Нет, они не знают, что я их так называю. – Жуций чуть повысил голос, очевидно перебивая разговарившегося собеседника. – Птиций, ты, как маленький: при нынешнем количестве фейковых новостей, я могу даже роды дракона показать в прямом эфире, и никто меня не поймает,

поскольку все решат, что мы нашли деньги на толковые спецэффекты... – В следующее мгновение Жуций замолчал, внимательно слушая старого приятеля, затем пообещал: – Я понял, дружище, увлекаться не буду.

После чего убрал трубку и оглядел съёмочную площадку, ну, то есть двор Южного Форты, который он превратил в некое подобие этой площадки.

Двор самой дикой семьи Тайного Города идеально подходил для шоу «Отверженные», поскольку одним своим видом навевал тоску и уныние. В его центре гордо высилась мусорная куча – совершенно необходимый для существования и самоидентификации дикарей источник мух, крыс и жуткой вони – от неё Жуций спасался вставленными в ноздри патентованными магическими фильтрами «Черемуха 19», превращавшими миазмы Красных Шапок в лёгкий цветочный аромат. За мусорной кучей, с противоположной от ворот стороны, свисал со стены башни парадный портрет великого фюрера Кувалды, грязноватый, но нарисованный с большим чувством, то есть с использованием аляповатых, за пределами ярких красок, а правее портрета виднелись грузовые ворота в подвал, над которыми весёленьким пятном сверкала вывеска «ЭлектроБарыга». У ворот толкалась очередь: дикари несли «ЭлектроБарыге» краденое и награбленное, однако количество «бизнесменов» не шло ни в какое сравнение с теми, кто окружил съёмочную площадку. В левом от парадного портрета крыле находилось «Средство от перхоти» – семейный кабак Красных Шапок, ещё один, а точнее, главный источник самоидентификации дикарей, поскольку без виски их мозги просто-напросто не работали, а между кабаком и портретом размещалась государственная виселица, временно не использующаяся по прямому назначению, поскольку превратилась в центральную зону съёмочной площадки.

На эшафоте кружком расставили стулья, и сидящая напротив камеры Сопля с увлечением предавалась исследованию личных проблем двух молодых Шапок.

– Итак, Штанина, почему ты решила бросить Асфальта?

– Потому что он импотент! – заржали в толпе.

Однако желаемой цели – вывести из себя участника шоу, – зрители не достигли и съёмке не помешали, поскольку опытный Жуций вставил актёрам скрытые наушники, а в районе губ закрепил чувствительные микрофоны. В результате участники шоу обидных возгласов не слышали, а выкрики зрителей аппаратура не улавливала.

– Вы были такой чудесной парой, – продолжила Сопля. – Вас все обожали.

– И все нам завидовали, – не удержалась Штанина.

– Счастливой любви всегда завидуют.

– Они такие злые, – вздохнула Бомбочка.

– Верно. – Сопля посмотрела на самца: – А ты чего скажешь?

Вместо ответа боец Асфальт тяжело вздохнул. С одной стороны, ему нравилось появляться в телевизоре: за это и деньги платили, и девчонки липли. С другой – дружки, в телевизор не попавшие, над Асфальтом посмеивались и даже иногда так обидно его обзывали, что липнущие девчонки сматывались и смысл появления в телевизоре терялся. Тем не менее Асфальт держался и честно исполнял распоряжения продюсера, то есть делал вид, что ему нравится обжиматься с противной задавакой.

А вот Штанина Гнилич не страдала, ей всё нравилось: и в телевизоре появляться, и гадости другим участникам шоу говорить, и ругаться так, что публика начинала одобрительно свистеть. Штанина мечтала спихнуть Соплю и самой занять место ведущей и злилась оттого, что Жуций не обращает на её прелесть никакого внимания: всем ведь было понятно, почему именно Сопле досталась крутая роль.

Эти обстоятельства заставляли Штанину держаться томно и периодически бросать на Жуция призывные взгляды, от которых конца шумно пучило. Но при этом свою роль девица знала назубок.

– А почему я не должна его бросить? – затараторила она, услышав «подводку» Сопли. – Что он вообще может, кроме как попусту обещать? Шубу обещал? Обещал. И где она?

– На меня гринписы напали! – взвился Асфальт. – Я витрину разбил, шубу хватать, а они напали. Не смей, кричат, зверей носить! И в клочья.

– Тебя? – ахнула Сопля.

– Шубу.

– Лучше бы тебя, – ядовито добавила Штанина. – Кто ещё говорил: королевой тебя сделаю, бриллиантами завалю, остальные, мол, от зависти удавятся, а сам подарил одно кольцо с непонятным камнем, который я даже проверить не успела, его сразу стырили...

– Значит, ценное было, раз стырили, – заметила Сопля, поправляя парик.

– Значит, она уснула в коридоре, – вставила свои пять копеек Буженина Шибзич. – Все видели, как похабно она там валялась.

Буженина переживала, что у неё мало слов в сценарии, и решила отыгаться на враждебной Штанине Гнилич.

– Заткнуть её? – едва слышно спросил режиссёр.

– Пусть трещит, – решил Жуций. – Челам нравятся грязные подробности.

– А если подерутся?

– Тем лучше, – пожал плечами конец. – Челам нравятся тупые драки.

А драка, судя по косвенным признакам, назревала нешуточная. Причём драка женская, то есть безжалостная.

– Это кто тут ещё про коридор будет рассказывать? – осведомилась Штанина, упирая руки в бока.

– Что, не было такого? – с издёвкой осведомилась Буженина.

– Подумаешь, коридор! Ты, вон, по всему гаражу неделю назад валялась!

– Я валялась?

– И Бублика к себе зазывала!

– Бублик! – воскликнула Буженина, переводя взгляд на ещё одного участника шоу. – Я тебя зазывала?

Боец благоразумно сделал вид, что ничего не слышит.

– Она зазывала тебя в гараж? – спросила Штанина.

– Я что, зазывала тебя в гараж? – с угрозой повторила Буженина. И сдуру добавила: – Или ты сам пришёл?

– Ага! Значит, ты там валялась! – обрадованно завопила Штанина. И вцепилась Бублику

в ухо: – Что ты с ней в гараже делал?

Публика встретила неожиданный поворот свистом и одобрительными возгласами:

– С ней много кто в гараже делал!

– И не только в гараже!

– И не только в коридоре!

– Эй, телевизор, меняними, я тебе про обеих много расскажу!

– Про коридор расскажи! – завопила Буженина, хватая Бублика за второе ухо. – Как там она валялась.

Несчастный Бублик завизжал от боли. Асфальт, обрадованный тем, что о всяких там бриллиантах позабыли, глядел на незадачливого приятеля со снисходительным сочувствием.

– Ты с кем в гараже был?

– С Тазиком.

Подобное заявление вызвало вполне понятное потрясение. Женщины остановили взаимную перебранку и одновременно гаркнули:

– Ты был с Тазиком?!!

Народ тихонько присвистнул, но смолчал, ожидая продолжения неожиданного каминг-аута. А поскольку толерантностью в Южном Форте пахло значительно меньше, чем мусорной кучей, последствия этого признания могли получиться самыми непредсказуемыми.

– Мы мотоцикл чинили! – объяснил Бублик.

– А потом? – настырно поинтересовалась Буженина.

– Потом ты пришла.

Во дворе выдохнули: Жуций – с облегчением, народ – продолжая что-то подозревать.

– Трезвая пришла?

– А ты не помнишь?

– Завалилась такая трезвая, что облик потеряла? – захохотала Штанина, и Буженина не стерпела.

– Тварь! – прокричала она и бросилась на соперницу.

Штанина хоть и подозревала, что дело движется к драке, противопоставить более весомой сопернице смогла исключительно нецензурщину.

– Ты!.. – заорала она, пытаясь уклониться от кулаков Буженины. – !..!..

– Отлично, отлично... – пробормотал Жуций, наблюдая за дракой. – Во сколько камер снимаем?

– В четыре, – отозвался оператор. – И два дрона.

– Отлично! Монтируйте и в эфир! – Конец посмотрел на подошедшую Соплю: – Спящий, древний, прости, ты почему трезвая?!

Та ответила долгим и тупым взглядом усталой лошади, но промолчала и плюхнулась на соседний стул.

– Всё должно быть аутентично! – Продюсер топнул ногой. – Кто-нибудь, дайте ей бутылку виски!

Помощник режиссёра кинулся исполнять приказ, но остановился, услышав неожиданное:

– Не надо, – бросила Сопля, продолжая странно тарашиться на Жуция.

– Почему? – удивился тот.

– Не хочу.

– А как будешь сниматься?

– Трезвой.

На это заявление члены съёмочной группы ответили сдержанным смехом. Мужским смехом, к глубокому сожалению Жуция. Любвеобильный конец страдал, испытывая почти физическую боль – его всегда окружали молодые актрисы или не менее молодые ассистентки, – но везти их в Южный Форт Жуций не рискнул. Чтобы не провоцировать.

И именно поэтому среди дикарей поползли слухи, что его охотутала Сопля.

– Так почему пить не хочешь? – поинтересовался конец, без восторга разглядывая потасканную, что было хорошо заметно даже под слоем грима, физиономию Шапки. И пыльный парик, который она напялила на себя сегодня.

– Потому что считаю, что мы должны учить народ хорошему и доброму, – неожиданно сообщила Сопля.

И рыгнула.

– Больше не лезет? – догадался конец.

– Не лезет, – призналась Дурич. – До пяти утра текст учила, три бутылки виски ушло, так что сейчас даже глотка сделать не смогу.

– А голова уже трезвая... – протянул конец, который стал немного разбираться в особенностях дикарского метаболизма.

– Ага.

– А организм не принимает.

– Ага, – снова кивнула Сопля.

И снова рыгнула, заставив Жуция поморщиться, поскольку вонь вчерашней дозы проби-лась даже сквозь патентованные магические фильтры.

– Спящий, древний...

Как все концы, Жуций был невысокого роста, полным, но при этом активным и подвиж-ным. Как все концы, он обожал женщин – за исключением «прекрасной половины» Крас-ных Шапок, – носил множество дорогих украшений и яркую одежду. Например, сегодня Жуций заявился в Форт в зелёном пиджаке в красный горошек, ярко-жёлтом галстуке, красной рубашке и таких же брюках. И в чудных жёлтых ботинках с красными полосами.

В свою очередь, Сопля выглядела, как... Шапка: тощая, несмотря на то, что её Маманя в обоих смыслах слова отличалась крепким сложением, покрытая татуировками от пяток до плеч, с маленькими глазками и тяжёлой, выпирающей челюстью. Одевалась по-мужски: грубые кожаные штаны, кроссовки, грязная футболка. Как все дикарки женского пола, Сопля носила парик, стыдливо скрывая один из главных отличительных признаков семьи – полное отсутствие волос, и сегодня из-под её застиранной банданы свешивались две белобрысы косы с красными ленточками.

В повседневной жизни Сопля, как, впрочем, и Маманя, отличалась шумной наглостью – когда ей не грозило наказание, и угодливой податливостью с сильными. К Жуцию она изна-чально относилась как к божеству, но сообразив, что стала «лицом шоу», изрядно оборзела.

Но пока не зарывалась.

– Кстати, публике начинает приедаться ваша болтовня, – сообщил конец, посмотрев новый рейтинг. – Отзывы на сайте всё ещё благожелательные, но в целом челы хотят движухи.

– Какой? – лениво поинтересовалась Сопля.

– Ограбьте кого-нибудь.

– Уже было.

– Подеритесь стенка на стенку.

– Было.

– Это никогда не надоедает.

Шапка подняла мутные глаза, некоторое время смотрела на конца, словно припоминая подходящие случаю слова, после чего с неожиданной рассудительностью произнесла:

– Я читала отзывы и знаю – чела́м нравится, что мы, такие непонятые, отверженные, агрессивные, но при этом – ранимые и чувствительные. Челы нам сочувствуют.

– Обалдеть! – выдал опешивший Жуций.

– Им интересна наша жизнь...

– Но болтовня быстро наскучит.

– Согласна: надо оживить шоу... – Сопля улыбнулась. – Давай перехватим власть в семье?

– Скинем Кувалду? – прищурился конец.

– Или подвинем.

– Гм... – Продюсер быстро просчитал возможный риск – никакого, поскольку Берегине Зелёного Дома наверняка плевать на внутренние проблемы дикарей, прикинул выгоду – пре-восходный способ придать шоу новый импульс, и кивнул: – Я прикажу написать сценарий.

– Маманя скажет, с чего начинать.

– Маманя? – кисло переспросил конец.

– С Маманей, – подтвердила Сопля.

Общаться с напористой теткой Дурич у Жуция не было особенного желания, но он пони-мал, что это неизбежно, поскольку Маманя плотно держала и Соплю, и её подружек в пудовом кулаке.

– У неё есть план, – объяснила Шапка, задумчиво глядя на бутылку виски, которую ассис-тент оставил на столике. – Возьму с собой.

– Ну и правильно, – одобрил продюсер. – А то мало ли что ты в кадре наговоришь на трезвую голову.

– Мы будем обсуждать песню, которую я написала, – сообщила Сопля, поднимаясь со стула.

– Спящий, древний... – простонал Жуций. – Ты написала песню?

– Хит, – уточнила Шапка. – Меня всегда тянуло к поэзии.

– Сильно?

– Как к виски.

– Тогда ты вряд ли могла сопротивляться.

– Я и не стала. – Сопля зубами открутила колпачок, выплюнула его и сделала большой глоток из горлышка.

– Откуда взяла музыку?

– Скачала с бесплатного сайта.

– А пел кто?

– Я.

– Спящий, древний...

– И пусть твои менеджеры напишут сценарий для клипа, – хихикнула Сопля, направляясь под софиты.

Шоу «Отверженные» готовилось огрести новый импульс.

* * *

Цитадель, штаб-квартира Великого Дома Навь

Москва, Ленинградский проспект,

6 июля, среда, 11:18

Телефонный звонок застал Гуго де Лаэрта, капитана гвардии великого магистра и мастера войны Ордена, за ранним завтраком. Услышав об убийстве Барраги, Гуго немедленно собрал совещание из аналитиков Великого Дома Чудь и ведущих магов ложи Предсказаний – требовалось определить, как это событие повлияет на жизнь Тайного Города. Затем последовал доклад великому магистру Францу де Гиру, затем де Лаэрта перехватило руководство Бестиария в полном составе – Гуго давно обещал им аудиенцию, но всякий раз находил причину для переноса встречи, и лишь теперь, слегка осоловев от текущих потребностей драконов и мантикор, капитан вспомнил, что голоден, заперся в кабинете, сварил себе кофе, отыскал пакетик с крекерами, скривился, размышляя, не сходить ли на гвардейскую кухню, и... и именно в этот момент смартфон подал голос:

– Я вас не разбудил? – вежливо осведомился Ортега, услышав не очень дружелюбное: «Слушаю!»

– Нет, – честно ответил Гуго, с отвращением возвращая крекеры в ящик стола. После чего взял в руку чашку с кофе и плюхнулся в кресло. – Что случилось?

– Вы уже слышали об убийстве Барраги?

– Слышал, – подтвердил де Лаэрт и тут же заторопился: – И я хочу сказать, что понимаю принятые вами меры, но не могу их одобрить. Вы закрыли лабораторию от нашего сканирова-

ния, и теперь всё, что вы расскажете об этом преступлении, будет основываться исключительно на ваших словах.

– Есть обоснованное подозрение, что мастера Баррагу убил чуд, – сухо произнёс Ортега. Выдержал короткую паузу, не дождался ответа и позвал собеседника: – Гуго?

– Я тут кофе пролил, – пробормотал капитан гвардии.

– Горячий?

– Горячий.

– Сочувствую.

– К счастью, на пол.

Ортега улыбнулся. А ещё через несколько секунд прозвучал ожидаемый вопрос:

– Вы позволите нам самим сделать вывод о причастности мага Ордена?

– Безусловно, – кивнул нав. – Ваши дознаватели могут посетить то, что осталось от лаборатории, и в любой момент.

– Я немедленно отдам необходимые распоряжения.

– Хорошо.

– И поставлю в известность великого магистра.

– Я понимаю.

Франц де Гир не был другом Тёмного Двора, но при нём отношения между Великими Домами стали гораздо теплее, чем при его предшественнике, и Ортега был уверен, что глава Ордена прикажет провести расследование самым тщательным образом.

* * *

Несокрушимая крепость Тёмного Двора, оплот великой Нави, с которой началась история Тайного Города – именно так любили называть Цитадель подданные князя, не желая вспоминать о том, что первыми на территорию современной Москвы явились разгромленные ими асуры. Штаб-квартира тёмных располагалась на развилке Ленинградского и Волоколамского шоссе и сейчас представляла собой широкое «сталинское» здание с большим внутренним двором, надёжно укрытым от любопытных глаз.

Таинственная и несокрушимая Цитадель.

Вопреки широко распространённому мнению, порядки в Великом Доме Навь царили отнюдь не армейские и далеко не суровые. Тёмные заслуженно считались самой сплочённой семьёй Тайного Города, никто и никогда не слышал, чтобы нав нарушил или хотя бы принял обсуждать приказ князя или комиссара, зато они всегда демонстрировали невероятное единство, в котором не было места междоусобицам. Но при этом тёмные вели едва ли не самый свободный образ жизни среди всех семей Тайного Города. Навы часто покидали Москву, путешествовали, подолгу жили за пределами страны, но возвращались в Цитадель по первому зову лидеров семьи. Возвращались мгновенно, не задавая лишних вопросов.

В крепости каждому тёмному полагалось небольшое, на две комнаты, жилище, и сейчас Ортеге выпало осмотреть то, что принадлежало Барраге. Войти без приглашения и прикоснуться к осиротевшим вещам. Увидеть то, что старый мастер никому не показывал.

Ортега знал, что он войдёт и сделает всё, что должен, но у двери чуть задержался, прикоснулся пальцами к косяку и тихо проговорил:

– Ты был желчным, но умным, старый друг, ты понимаешь, что у меня нет выхода: я должен рыться в твоих вещах, чтобы выйти на след убийцы. Прости меня, Баррага, и прими клятву: что бы я ни нашёл, я использую это лишь для поиска преступника. Если же я наткнусь на твою личную тайну, она останется твоей личной тайной.

Ортега прекрасно знал, что за чертой смерти нет ничего, кроме пустой темноты. Нет суда. Нет наказания. Нет ничего. Баррага ушёл безвозвратно, но Ортега всё равно попросил у него и прощения, и разрешения – из уважения.

Закончив короткое обращение, Ортега вскрыл замок, вошёл в первую комнату и огляделся так, словно оказался в ней впервые. Ведь сейчас помощник комиссара был на работе и действовал соответственно: отставив эмоции и полностью сосредоточившись на поиске улики.

– Баррага, прошу, расскажи, во что ты ввязался...

Жилище мастера големов оказалось скромным, что, впрочем, было свойственно навам. Подданные князя не чурались роскоши, однако относились к ней прагматично, как к набору услуг и предметов, делающих жизнь комфортнее. И только. И потому за тысячи и тысячи лет доступа к невероятному богатству навы не превратились в изнеженных сибаритов, разглядывали мешки с золотом с той же холодной отстранённостью, что и мешки с навозом. Они знали цену богатству, но оставались над ним.

А в своих маленьких комнатках прятали самое дорогое, то, что нельзя было потерять ни при каких обстоятельствах. Вещи, которые не имели ценности в золоте, но были бесконечно дороги их обладателям.

И первое, что увидел Ортега, была очаровательная нефритовая статуэтка таррэнской школы. Изящная, как дождевая капля на лепестке орхидеи, но при этом – с изъяном: правая сторона статуэтки оплавилась после удара «Эльфийской стрелы». Магическая молния прошла рядом, только задела статуэтку, повредила, но не уничтожила, и поэтому Баррага взял её с собой в Тайный Город и хранил уже много тысяч лет.

Статуэтка была единственным предметом, который мастер сумел отыскать в гряде камней, в которую люды превратили его дом. Давно. В те времена, когда великая империя Тёмного Двора горела в своей последней войне. Таррэн тогда погиб полностью, возродить школу оказалось некому, но навы продолжали наслаждаться искусством древних мастеров.

– О чём ты думал, глядя на неё? – прошептал Ортега, проводя пальцами по совершенной статуэтке. – Что ты видел?

Горящий Уратай? Смерть князя? Изгнание?

Или время, когда был счастлив?

О чём напоминала старику раненая статуэтка мёртвой школы?

А рядом, на той же полке, ещё один артефакт эпохи Великой империи: старая книга в тиснённом кожаном переплете. Толстая, но с тончайшими страницами, которых под обложкой было огромное количество – знаменитые «Письма очарованной вечности», книга, которую читал каждый нав. Книга, которую, как говорили, нужно прочесть, чтобы понять тёмную душу. Книга, которую не читал никто, кроме тёмных.

– Интересно, каким было твоё любимое письмо? И странно, что мы никогда не обсуждали это в наших разговорах.

Ортега проверил книгу, убедился, что в ней ничего не спрятано, изучил содержимое соседней полки, на которой стояли трактаты по теории и технологии создания големов, и прошёл в спальню. Обыск её тоже ничего не дал. Тетрадь для записей, пачка карандашей, отделанный золотом кинжал, одежда во встроенном шкафу, ещё несколько книг, взятых в библиотеке Цитадели – ничто из этого не содержало ни малейшей зацепки.

Телефон и оба компьютера – настольный и ноутбук, – чуть раньше проверили «ласвегасы» и тоже ничего не нашли. Никаких следов. Ни одного указания на то, чем занимался Баррага и его таинственный помощник.

Ничего...

– Но так не бывает!

Ортега не собирался уходить с пустыми руками, не мог себе позволить, поскольку больше всего на свете хотел добраться до убийцы друга, поэтому заставил себя успокоиться и сосредоточиться.

Искать!

Баррага скрывал происходящее, но должен был оставить хоть какую-то подсказку – просто потому, что он нав, а навы предусмотрительны. Баррага наверняка понимал, что затеял рискованное дело. Он ошибся в оценке риска – да, и заплатил за ошибку самую дорогую из всех возможных цену, но он понимал, что риск есть, а значит, не мог не оставить подсказку.

Какую?

Где?

И Ортега нашёл. Не сразу, ещё через двадцать минут, но нашёл. И обругал себя за то, что не увидел подсказку сразу, поскольку лежала она на самом виду: позолоченный кинжал, аляповатый и безвкусный, не идущий ни в какое сравнение с изяществом таррэнской школы. Не оружие и не украшение, а просто безделица, стоимость которой не превышала цены позолоты и украшающих его камней. Кинжал валялся в тумбочке, видимо, Баррага не мог на него смотреть, но при этом не выбросил, а оставил нелепую безделушку в заветной комнате. Там, где хранил только самые важные вещи.

– Я понял, – пробормотал Ортега, взяв кинжал в руки. – Я знаю, где продается подобная дрянь. Спасибо, старый друг.

И тяжело вздохнул.

* * *

Зелёный Дом, штаб-квартира Великого Дома Людь

Москва, Лосиный остров,

6 июля, среда, 12:07

Штаб-квартира Зелёного Дома так и называлась – Зелёный Дом, и представляла собой роскошный дворцовый комплекс, прячущийся от посторонних глаз в центре Лосинового острова. Окружённый массивными стенами – деревянными, покоящимися на сложенном из гигантских валунов основании, дворец казался крепостью, но его внутренняя территория восхищала тонкостью элегантных линий и гармоничным сочетанием построек, зелени и воды. Философия людов требовала глубокого единения с природой, и Зелёный Дом резко отличался от каменных громадин чудов и мрачной эстетики навов.

Зелёные всегда были чуточку веселее обитателей остальных Великих Домов Тайного Города и, возможно, поэтому стали целью первого удара Ярги – ему показалось, что они слабее духом. А может, не показалось, может быть, они действительно были не столь сильны, как пытались себя преподнести, потому что Зелёный Дом как зашатался, оказавшись в нокдауне, так и не пришёл в себя, теряя одну позицию за другой. А самое главное – никак не мог объединить своих подданных, растрачивая драгоценные время и ресурсы на увлекательную, но бессмысленную борьбу за власть.

Сейчас в кровавых сражениях наступила короткая пауза, а титул Берегини Трона обрела жрица Всеведа, пожилая, даже по меркам людов, опытная, умная, хитрая и расчётливая ведьма,

давно продававшаяся первому князю Нави за право возглавить Великий Дом Людь. А титул Берегини делал её шансы максимальными.

Но на пути к вожаемой короне Всеведы подстерегало множество проблем, главная из которых, как бы странно это ни звучало, вальяжно развалилась сейчас в кресле напротив. Главную проблему Всеведы звали Сдемир, и он, несмотря на юный возраст, претендовал и фактически заполучил титул барона домена Кузьминки.

Сдемир встал на сторону Ярги в одно время со Всеведой, был её верным помощником в кровавых событиях Июня, безжалостно расправился со всеми, кого заговорщики решили устранить, включая собственного отца, а став бароном, твёрдо заявил о поддержке Берегини. Но в последнее время Всеведе стало казаться, что Ярга особенно выделяет молодого люда, несмотря на то что мужчины Зелёного Дома не обладали магическими способностями, и это обстоятельство ставило жирный крест на их властных амбициях... Должно было ставить жирный крест, потому что глубокий ум и абсолютная беспринципность Сдемира, вкупе с поддержкой самого сильного мага планеты, могли в корне изменить ситуацию и сломать традиционный уклад Зелёного Дома.

Вот почему в последнее время Всеведа относилась к молодому барону с настороженностью и сейчас, внимательно слушая подробности событий в Южном Форте, держалась с ним весьма холодно.

– То есть ты заранее захватил с собой артефакт грузового портала? – уточнила Берегиня, глядя куда-то за плечо Сдемира.

– Я знал, что приедет грузовик, – пожал плечами тот. – А с грузовиком может случиться всё, что угодно... – Он позволил себе короткую усмешку. – И ведь случилось.

Ещё одна нехорошая деталь их взаимоотношений. Планируя грандиозное нападение вампиров на Тайный Город – к сожалению, столь же грандиозно провалившееся, – Ярга поручил Сдемиру особое задание. Особое и очень важное: принять и спрятать в Тайном Городе грузовик с его «костюмами» – телами всех генетических статусов, в которые мог вселяться первый князь. Это обстоятельство вызвало у Всеведы и ревность, и обиду, и настороженность. А самое неприятное заключалось в том, что свою часть операции молодой барон провёл на «отлично», ухитрившись отыскать и вернуть потерянный вампирами груз.

Все эти факты говорили о двух вещах: первое – князь переезжает в Тайный Город, второе – Сдемиру он доверяет больше. И если с первым фактом Всеведа ещё могла смириться, то второй её категорически не устраивал.

– Ты поступил предусмотрительно, – выдавила из себя Берегиня.

– Спасибо, – Сдемир чуть склонил голову.

– Но тебя могли засечь.

– Не засекли.

– Нет... – пришлось признать Всеведе. При этом ведьма отметила, что наглый юнец её почти перебил. – Где сейчас грузовик?

– В надёжном месте, – спокойно ответил барон.

– В твоём домене?

– Нет. Решил не рисковать.

– И правильно, – одобрила Берегиня, несмотря на то что Сдемир нарушил прямой приказ Ярги.

А затем вдруг осведомилась: – В грузовике действительно... в нём действительно «костюмы» первого князя?

– Почему ты спросила? – поднял брови юноша.

– Я их не видела, – пожала плечами Всеведа. – Как эти... – и снова на мгновение сбилась, – как эти «костюмы» выглядят?

И поймала себя на мысли, что ей и на самом деле интересно.

Барон кивнул, показывая, что понимает причину проявленного любопытства, и честно ответил:

– Выглядят они странно... и даже чуть страшновато. Они живы и мертвы одновременно, оболочки без души и разума... И знаешь, даже когда Ярга в него вселяется, «костюм» не становится живым... Во всяком случае, мне так кажется.

Чувствовалось, что вид оболочек произвёл на молодого люда сильнейшее впечатление.

– Ты видел, как Ярга вселяется?

– Один раз, – юноша вновь помолчал. – Он вошёл в комнату одним существом, а вышел другим. Я сразу понял, что передо мной заурд, его сила пробивается сквозь любую оболочку, но сам «костюм»... это был просто костюм, понимаешь? Здоровое тело, очень крепкое, красивое, но от него веяло одновременно и силой – Ярги, и пустотой. Как будто ведро, наполненное призраком воды.

– Поэтично, – улыбнулась Берегиня. Не усмехнулась, зло или с издёвкой, а улыбнулась задумчиво, и потому Сдемир не обиделся, а спокойно продолжил:

– Это плохая поэзия, Всеведа, и плохая магия. Нельзя так поступать с разумными.

– Ты оспариваешь решения заурда? – подняла брови женщина.

– Я не хотел бы стать «костюмом», – ровно отозвался барон. – А ты?

Она помолчала, обдумывая ответ и не доверяя собеседнику, после чего мрачно уточнила:

– Первый князь вселяется только в мужчин?

– Среди «костюмов» есть и женские... – Сдемир помолчал, подбирая нужное слово, и закончил: – «Платья», наверное.

И Берегиня вдруг представила себя плавающей в прозрачном цилиндре, в колбе, наполненной питательным раствором, в ожидании, когда Ярга выберет её, чтобы... ну, например, отправиться на бал.

«Нет, я ничего не буду ждать. Меня там вообще не будет, первый князь уничтожает предыдущую личность».

А тело оставляет. Превращает в «костюм», в оболочку без души и разума...

И Всеведа подумала, что напрасно смеялась над Сдемиром – это и на самом деле страшно. И ещё страшнее тот, кто создаёт эти оболочки, даже для неё, привыкшей к подлости, жестокости, предательству и лжи – страшнее, потому что они, все они, живут настоящим, куда более мягким миром, чем Первая Война, которая для Ярги случилась совсем недавно. Как будто вчера. А Первая Война велась так, что навыв до сих пор звереют при упоминании асуров, которых они, как считается, истребили поголовно.

На мгновение Всеведе стало холодно, но через секунду она взяла себя в руки, откашлялась и спросила:

– В грузовике был какой-нибудь каталог или список?

– Зачем? – удивился Сдемир.

– Хотелось бы знать, кто заурд сейчас.

– Зачем? – повторил молодой люд.

– Затем, что впервые с начала противостояния с Яргой Сантьяга продемонстрировал реальную силу, – хладнокровно ответила Берегиня, не спуская глаз с собеседника. Она понимала, чем рискует, но тем не менее продолжила: – Сантьяга одним ударом уничтожил армию вампиров – такого никому не удавалось даже во времена Инквизиции, Сантьяга показал невероятно сильного союзника – Великана Крови, и Сантьяга... – Всеведа выдержала короткую паузу, – Сантьяга меня напугал. И всех, кто служит Ярге. Но первый князь не показывается.

– Думаю, у заурда есть причины таиться, – медленно и очень серьёзно ответил Сдемир. – А нам с тобой, Всеведа, прыгать с этого поезда поздно.

И сомневаться поздно. Мы с тобой можем только ехать, и только в одном направлении – вместе с Яргой.

– Это так.

Они помолчали, осознав, что впервые с самого начала встречи говорят, как союзники, после чего барон вздохнул:

– Нужно выиграть твои выборы.

И тем показал, что готов перейти к делам.

В действительности Сдемир ещё не выиграл свои, которые также были назначены на воскресенье, но получил титул Хранителя Домена, что делало перспективу его избрания практически стопроцентной. Поэтому его называли «бароном» и считали полноправным хозяином Кузьминок.

А вот титул Берегини давал преимущество, но не гарантию.

– Во время вторжения вампиров я потеряла Илю и Малушу, – негромко перечислила Всеведа.

– Очень жаль, – вздохнул молодой люд, возвращаясь к своему обычному, слегка шутливому тону. – Но я рад, что ты не потеряла меня.

– Нас осталось очень мало, – женщина не среагировала на излишне весёлое замечание барона, но и одёргивать не стала. – Ещё один кризис, и Ярга лишится союзников в Зелёном Доме.

– Нам нужны новые соратники, – продолжил Сдемир. И добавил: – Настоящие.

То есть те, кто готов служить первому князю. Однако с этим вышла заминка.

– У меня складывается впечатление, что я привлекла на сторону Ярги всех, кто был готов ему служить, – грустно улыбнулась Берегиня. – Слышал, что во время атаки масанов погибла фата Заря?

– Да.

– Неудачная попытка вербовки, – развела руками Всеведа.

– Кстати, о нападении вампиров, – произнёс барон. – Как Снежане удалось избежать гибели? Ты ведь собиралась её прикончить.

Молодая жрица была близкой подругой Всеславы и до сих пор оставалась несгибаемой и преданной сторонницей погибшей королевы, что сильно укрепило её авторитет в Великом Доме. Снежана открыто бросила вызов Всеведе в борьбе за корону, могла доставить ей массу неприятностей на предстоящих выборах, и барон точно знал, что Берегиня собиралась её устранить.

– Думаю, Снежане помогли навы, – спокойно сообщила Всеведа.

– Почему?

– Засада была спланирована идеально. Снежана не могла из неё уйти, но ушла. А девочки – остались.

– Иля и Малуша?

– Да.

Тот факт, что Сдемир должен был принять участие в убийстве жрицы, собеседники решили не вспоминать.

– Мы можем доказать вмешательство навов? – негромко спросил барон.

– Только признавшись в том, что собирались убить жрицу, – ядовито улыбнулась Берегиня.

– То есть дискредитировать Снежану не получится?

– Нет.

– Значит, выборы королевы пройдут непредсказуемо...

– Прежде чем проводить главные выборы, нужно сформировать Большой Королевский совет, который тоже порешили, – напомнила Всеведа. – В ближайшее воскресенье в доменах

состоятся выборы баронов и жриц. И нужно позаботиться о том, чтобы ключевые посты заняли наши союзники.

– Прекрасно тебя понимаю, – проворчал Сдемир.

– И я хочу, чтобы ты кое-кого устранил, – Берегиня перешла к неприятной теме на удивление плавно.

– Почему я? – не сдержал удивления барон.

– Потому что за тобой не будут наблюдать так пристально, как за ведьмами, – улыбнулась Всеведа. – К тому же ты не маг, тебе не по зубам сражаться с колдуньей уровня «жрица».

– Я понял, понял. – Сдемир выставил перед собой ладони. – Хорошо.

Он не мог сражаться, но это вовсе не означало, что он не мог убить. Юноша уже продемонстрировал умение расправляться с более сильными противниками, и не было ничего удивительного в том, что Всеведа собиралась поручить ему ещё одно опасное задание.

– Вот и чудесно, – рассмеялась Берегиня, не ожидавшая от молодого барона такой покладистости.

Но уже через секунду всё вернулось в привычное русло: люд стал проявлять норы.

– Всеведа, мне не нравится твой замысел, – серьёзно произнёс Сдемир, глядя Берегине в глаза. – Ты ослабляешь Дом убийствами сильных ведьм.

– В истории Люди случались междоусобицы и жёстче.

– Ты лучше меня знаешь, сколько времени нужно, чтобы подготовить высококлассного боевого мага, – не согласился барон. – Первый ряд наших защитниц уничтожен почти полностью. Теперь ты принимаешься крушить ближайший резерв.

– Они – наши враги и, узнав, что мы служим заурду, убьют нас, не задумываясь.

– Перебьём их, и Дом можно будет брать голыми руками.

– Кто его возьмет? Сантьяга?

– Ярга.

И Всеведа осеклась.

Сознательно или нет, молодой люд напомнил ведьме о её страхе, о том, что первый князь привечает барона, доверяет ему и явно готовит к серьёзной роли. Амбиции Сдемира тоже известны: мальчишка искренне считает, что домен – не его уровень, и хочет заполучить гораздо больше власти, но... Но в мире магии он не способен взлететь слишком высоко.

Точнее, способен в одном случае: если Зелёный Дом не лишится сильных колдуний. Оставшиеся заключат со Сдемиром новый договор – трудно будет отказать тому, за чьей спиной маячит грозная тень Ярги, – несогласных убьют, и Дом будет реформирован.

И перестанет быть Великим.

– Если ты ослабишь Людь, первый князь низведёт нас до положения вассальной семьи, – горячо продолжил Сдемир. – Ты этого хочешь? Действительно хочешь?

Почти минуту Берегиня молча смотрела на барона. Молча и беспристрастно. Почти минуту в её душе шла отчаянная борьба между амбициями и верностью Великому Дому. Почти минуту настоящая Всеведа, положившая жизнь служению Люди, пыталась пробить защиту Берегини... и потерпела неудачу.

– У нас есть Источник, – холодно произнесла Всеведа, глядя на Сдемира в упор. – И есть запрещённые заклинания. Ни Ярга, ни Великие Дома не рискнут с нами связываться.

– Тебе так кажется.

– Ты собираешься оспаривать моё решение? – подняла брови женщина.

– Я прошу тебя подумать о том, что будет лучше для Зелёного Дома, – угрюмо ответил барон.

– Я уже решила, что будет лучше для Зелёного Дома. – Всеведа положила руки на стол и жёстко посмотрела на Сдемира. – Смерть должна выглядеть естественной: сердечный приступ или несчастный случай. Я не хочу, чтобы по Дому поползли ненужные слухи.

Молодой барон помолчал, а затем спросил:
– Кого я должен убить?

* * *

Клуб «Ящеррица»

Москва, Измайловский парк,

6 июля, среда, 12:52

Все основные заведения Тайного Города имели собственное, ярко выраженное лицо. «Три педали» привлекали азартных любителей ставок на всё, что бежит, мчится, летит, бежит или хотя бы ползёт к финишу – здесь внимательно следили за всеми гонками планеты и устраивали свои, собственные, знаменитые «100 километров Мурция». В «Реактивной куропатке» играли, причём большинство столов было отдано старому доброму покеру. Что же касается «Ящеррицы», то её «изюминкой» считались шоу, в постановке которых управляющий клубом Птиций достиг совершенства. Весёлый толстяк умел находить удивительных персонажей и превращать их выступления в незабываемые зрелища, а знаменитый «Танец Феникса», поставленный несколько лет назад, Тайный Город обсуждал до сих пор.

Шоу Птиций устраивал не чаще двух раз в неделю, но даже в те дни, когда гостям предлагалась «обычная» – в понимании знаменитого управляющего, – развлекательная программа, клуб не пустовал. Открывалась «Ящеррица» в полдень, первую волну гостей встречала к обеду, но в промежутке между двенадцатью и часом дня похвастаться посетителями не могла, и именно на это время Птиций назначил деловую встречу. Он лично встретил гостей – двух крепких мужчин – у дверей зала, провёл за дальний столик, а когда все расселись – активизировал чёрную пирамидку навского оберега: этот артефакт гарантировал, что разговор будет услышан только его участниками.

И ещё навский оберег показывал, что Птиций считает предстоящий разговор необычайно важным.

Управляющий «Ящеррицей», разумеется, был концем – невысоким, полненьким и лысым. Он встретил гостей облачённый в синий пиджак, синюю рубашку, желтые брюки в оранжевую полоску и умопомрачительные красные ботинки. Девять перстней на пальцах левой руки, восемь – на правой, золотая цепь и шесть золотых браслетов. Количество бриллиантов учёту не поддавалось. Что же касается его собеседников, то это были плечистые, коротко стриженные челы, одетые в неброские рубашки навыпуск, лёгкие летние брюки и удобные туфли. Кортес и его молодой напарник Артём не маги, но при этом лучшие наёмники Тайного Города, признанные мастера в решении заковыристых задач.

Знаменитая команда Кортеса состояла из четырёх челов, в «Ящеррице» не появились ведьмы, что вызвало у Птиция приступ недовольствия.

– Где Инга и Яна? – деловито осведомился конец, глядя на наёмников, как на проштрафившихся официантов. – Я ведь сказал, что мне нужны все, абсолютно все. Когда они подъедут?

– Девчонки заняты, – лаконично ответил Кортес.

– Чем?

– Важная командировка.

– Что может быть важнее моего контракта? – возмутился управляющий. – Если я сказал, что нужны все, значит, нужны абсолютно все. Что тут непонятного? Я, если честно, удивлён. Звоните им. У меня ОЧЕНЬ мало времени, но я подожду.

– Чего подождёшь? – не понял Кортес.

– Ингу и Яну.

– Птиций, радуйся, что к тебе хоть кто-то приехал, – буркнул Артём, разглядывая принесённый официантом кофе: крохотный эспрессо вместо чёрного американо. – Мне перепутали заказ.

– Наверное, из-за навского берега, – скучным тоном отозвался Кортес.

– Вы что, не заинтересованы в высокооплачиваемой работе? – изумился конец.

– В работе мы заинтересованы, но в прошлый раз ты умолял нас защитить тебя от разгневанного мужа, а это, извини, не наш профиль.

– Тогда зачем приехали сейчас?

– Нужно было где-то пообедать.

– Ещё рано.

– Мы встали в пять утра, – Кортес демонстративно зевнул.

– Кого ловили? – осведомился конец.

– На рыбалку ездили.

– А где спиннинги?

– Динамитом глушили.

– Так можно?

– Хочешь попробовать?

Птиций внимательно оглядел наёмников, задержав взгляд на каждом из них, но поскольку смутить челоу не получилось, вздохнул и продолжил с деланной небрежностью:

– Да, я помню, в прошлый раз вы побоялись связываться с лейтенантом гвардии... Как там его звали... Марид?

– Де Марид, – хмыкнул Кортес.

– Вижу, вы тоже не можете забыть свой позор.

Любвеобильность концов прочно вошла во множество поговорок Тайного Города, и ни один муж, в особенности – муж в возрасте, – не мог чувствовать себя в безопасности. К слову сказать, с поличным концы попадались не часто и в большинстве случаев отделялись лёгким испугом, поскольку главная семейная тайна гарантировала им заступничество колдуний Зелёного Дома и далеко не все обманутые мужья соглашались выставлять приобретённые рога на всеобщее обозрение. Но иногда проверенная схема давала осечки, и тогда Тайный Город потешался над очередным шумным скандалом.

Именно с такой неприятностью Птиций обратился к наёмникам в прошлый раз – требовалась защита от взбешённого рыцаря, однако получил вежливый, но твёрдый отказ.

– Возможно, мы и испугались, но главное, что у тебя пока всё хорошо, – произнёс Кортес, многозначительно глядя на конца. – Ты жив и можешь говорить.

– Не всегда думая о том, что именно говоришь, – веско добавил Артём.

Намёк был понят правильно.

– Ладно, ладно, я пошутил, – проворчал Птиций, догадываясь, что слегка перегнул палку. – Просто удивился, хотел вас всех угостить обедом, а тут такая незадача... Девчонки точно не приедут?

Наёмники промолчали, всем своим видом показывая, что сказано достаточно и пора переходить к делам.

– На этот раз никаких мужей.

– Надеюсь, – проворчал Кортес.

– Нужно отыскать... Женщину. – Птиций причмокнул губами, а цепи на резко приподнявшейся груди приятно зазвенели. – Девушку.

– Из кордебалета?

– Девочек из кордебалета мне искать не надо – они сами бегут сюда, – хихикнул конец. – Мне нужна одна... прекрасная... невероятная... Яна точно не сможет нам помочь?

– В поиске девушки? – удивился Кортес.

– Я хочу задействовать все возможные ресурсы... – протянул конец, рассеянно поигрывая чайной ложечкой. – Уже задействовал! Я дал объявление в «Тиградком».

Наёмники переглянулись.

– Но она не отзывается, – закончил Птиций. – Не понимает своего счастья, дура.

Артём молча достал смартфон, открыл приложение «Тиградком», несколько секунд, не веря своим глазам, таращился на первую страницу, после чего повернул экран к напарнику.

«Любимая! Ночью ты была обжигающе горяча, но ушла, не сказав ни слова. Мечтаю о тебе, моя красная прелесть, сгораю в нетерпении. Твой Птиций».

Коротенькое послание набрали крупным шрифтом, и оно царствовало на «шапке» главной страницы. Не заметить его не было никакой возможности.

– Звонков поступило много, но она так и не появилась, – вздохнул Птиций. – Поэтому позвал вас.

– Красная прелесть? – переспросил Кортес.

– Она поймёт.

Причудливые движения легчайших мыслей главных оптимистов Тайного Города не поддавались пониманию представителей разумных семей, и, вспомнив об этом, наёмники перешли к прагматичным вопросам.

– У тебя остались генетические материалы? – строго спросил Артём.

– Чего? – уточнил задумавшийся конец.

– Зубы она утром чистила? Если да, то на щётке остался образец слюны.

– Тогда бы я и без вас справился.

– То есть девушка ушла, не попрощавшись? – понял Кортес.

– Много унесла? – со знанием дела осведомился молодой наёмник.

– Вам говорили, что вы неимоверно циничны? – поинтересовался Птиций.

– А кто только что хихикал насчёт кордебалета?

– Ты не веришь, что у меня могут возникнуть чувства?

– Нет, – ответил Кортес, поскольку счёл, что вопрос предназначен ему.

– Нет, – ответил Артём, поскольку не был уверен, что вопрос предназначен не ему.

– Бездушные истуканы.

– Спасибо.

– Спасибо.

– А ведь у меня вся жизнь может перевернуться. Я... Я впервые...

Конец замер, судорожно открывая и закрывая рот и растерянно глядя на наёмников.

– Скажи это слово, – с улыбкой велел Кортес. – Не держи в себе.

– Я впервые влюбился.

– Врёшь! – дружно выдохнули челы.

– А вы докажите, – предложил конец.

– Как?

– Найдите её!

Наёмники вновь переглянулись.

Управляющий не обманул: на этот раз дело не касалось обманутых мужей, но связываться с поисками ускользнувшей пассии конца ни Артёму, ни Кортесу не хотелось.

– Я заплачу, – пообещал Птиций и гораздо менее уверенно поинтересовался: – Сколько берёте в час?

– Ты совсем рехнулся? – поморщился старший наёмник.

– Точно! – обрадованно выдохнул управляющий. – И что я всё о деньгах да о деньгах? Мы ведь друзья, а значит, вы найдёте девушку бесплатно.

– Мы не настолько друзья, – тут же заметил Артём.

– А насколько? Кстати, обед за счёт заведения.

– Мы ещё ничего не съели.

– Вы больше ко мне не заглянете?

Противостоять напору конца было неимоверно трудно, но наёмники пока держались. Им не хотелось отказывать старому приятелю в ерундовой просьбе, но и тратить время на дурацкие поиски казалось глупым.

– Птиций, чего именно ты от нас хочешь?

– Найдите девочку.

– Как?

– Вы наёмники, вам лучше знать.

– Откуда она вообще взялась?

– Я увидел её на улице.

– Жесть, – крикнул Артём, не сомневаясь, что уж теперь Кортес точно откажет концу.

Но тот хладнокровно уточнил:

– Почему не вцепился в неё? Ну, раз уж она так сильно запала тебе в душу, что ты потратил громадные деньги на банер в «Тиградном», а теперь хочешь нанять нас.

– Я хотел её остановить, но не успел, – неловко ответил Птиций, и Артём вдруг понял, что конец врёт. Причём не идеально, как Птиций умеет, а чуть смущённо, словно вынужденно обманывая старых знакомых. Конец врал, но опасности Артём не почувствовал и понял, что ложь связана не с желанием заманить наёмников в ловушку, а с чем-то другим. И это «что-то» заинтересовало Кортеса.

– Ты помнишь, где именно встретил свою будущую бывшую любовь всей жизни? – небрежно поинтересовался он, барабанив пальцами по столу.

– На улице.

– Когда?

– Этой ночью.

– Примерное время?

– Зачем тебе?

– Затем, что мы должны с чего-то начать поиски, и уличные видеокамеры – очень неплохое подспорье.

– Уличные видеокамеры... – прищурился конец. – Я о них не подумал.

– Поэтому ты обратился к профессионалам, – улыбнулся Кортес. – Теперь мы будем думать за тебя.

– А у вас получится?

– Как видишь, уже получается, – кивнул наёмник. – Так что пусть каждый из нас будет думать о том, о чём он думать умеет: ты – о своих будущих шоу, а мы – о поисках твоей девицы...

– Так вы берётесь?!

– Во сколько ты встретил свою подругу?

– Под утро.

– Где?

- В Замоскворечье.
- Адрес?
- Не помню.
- Показать место сможешь?
- Да.
- Значит, поедешь вместе с Артёмом и покажешь.
- Когда?
- Когда мы скажем.
- Вообще-то я тут управляющий, а значит, у меня много дел, – язвительно произнёс

конец.

Однако попытка надавить не удалась.

- Значит, поиски откладываются, – спокойно резюмировал Кортес. – До свидания.

Но с места не сдвинулся.

- Ещё друзья, называется, – вздохнул Птиций.

- Какие мы друзья, ты узнаешь, когда увидишь счёт, – пробурчал Артём.

- А что, будет счёт? – изумился конец.

- За еду не работаем.

- За какую еду?

- Которую ты сейчас нам принесёшь, – объяснил Кортес. – Пожалуйста, принеси меню.

– Почему я должен бегать вам за меню? – топнул ножкой управляющий. – Почему вы мною распоряжаетесь?

- Потому что мне нужно кое-что сказать Артёму, – ответил Кортес. – Так нормально?

Конец гордо вскинул маленький подбородок, помолчал, выразительно оглядывая невозмутимого наёмника, а затем попросил Артёма:

- Скажи Кортесу, чтобы разговаривал вежливо. Я, между прочим, и обидеться могу.

- На что? – удивился молодой наёмник.

– В целом. – Управляющий поднялся, гордо повернулся к собеседникам спиной, сообщил: – Сейчас принесу меню.

И удалился.

И в тот момент, когда толстяк покинул зону действия навского оберега, Артём удивлённо посмотрел на Кортеса и почти воскликнул:

– Что это сейчас было? Ты действительно собираешься гоняться за девицей, произведшей на нашего управляющего неизгладимое впечатление?

– Замоскворечье, сегодня рано утром, – веско ответил Кортес. – О чём ты думаешь, услышав эти слова?

Артём замер, к стыду своему – с раскрытым ртом, затем прищурился и, не веря, качнул головой:

- Баррага?

– Именно, – усмехнулся старший наёмник. – В любом случае, нужно проверить – я не верю в совпадения.

- Неужели ты думаешь, что Птиций связан с убийством нава?

Любвеобильные толстяки отличались миролюбием и бежали от всякого насилия, представить, что управляющий «Ящеррицы» завалил опытного мастера големов, наёмники не могли при всём желании.

– Нет, конечно, – рассмеялся Кортес. – Но Птиций явно что-то видел и теперь хочет использовать в своих интересах.

- Ты тоже понял, что он врёт?

- Это было очевидно.

– Согласен... – Артём помялся, а затем предложил: – Давай сообщим о просьбе Птиция Сантьяге?

– Почему? – тихо спросил Кортес.

– Навы будут мстить, и мстить жестоко, – объяснил Артём. – Не хочу оказаться поблизости, когда прольётся большая кровь.

Несколько секунд Кортес обдумывал слова напарника, а затем так же тихо предложил:

– Давай влезем в это дело и посмотрим, что оно может нам дать. И будем охранять Птиция, чую, этому дураку потребуется защита.

– От того, кто завалил нава? – кисло уточнил Артём.

– Ага, – добродушно улыбнулся Кортес и перевёл взгляд на подошедшего управляющего.

– Вот меню, – хрюкнул Птиций, швырнув на столик две книжечки. – Выбирайте.

* * *

Муниципальный жилой дом,

Москва, улица Шаболовская,

6 июля, среда, 14:00

Общей у них была только вражда.

И ничего больше.

Разные семьи, разные Источники, разная генетика, разное прошлое – их не учили ненавидеть. Зачем? Ненависть ослепляет, делает слабее, а главное – ненависть приходит сама: с первой кровью, с первым погибшим соратником. И приходит навсегда. Их не учили ненавидеть, просто объясняли, что однажды им придётся убивать друг друга.

Почему?

Потому что общей у них была только вражда.

У рыжеволосых магов Ордена и белокурых ведьм Зелёного Дома. Они с детства знали, что рано или поздно будут воевать, но не могли противиться странному притяжению, которое возникало, кажется, против их воли. Словно пылающая внутри магическая энергия жадно искала другую, чужую, враждебную, чтобы почувствовать её сладкий вкус. Каждый из них был и свечой, и мотыльком, трепетал, наслаждаясь волшебными мгновениями сводящей с ума влюблённости. Тысячи лет Великие Дома прятались от челов в Тайном Городе, и тысячи лет молодые рыжие маги заводили романы с юными светловолосыми ведьмами. Потом расходились, заводили семьи, сражались за свои Дома, но в следующем поколении всё повторялось.

Обязательно повторялось.

– Это было восхитительно.

Богдане нравилась игра, в которой Кольдер как будто случайно «ловил» её по утрам в ванной. Ну, то есть не обязательно именно по утрам, а после пробуждения. Она просыпалась первой, тихонько поворачивалась к любовнику – Кольдер всегда делал вид, что крепко спит, с улыбкой выскальзывала из-под одеяла и торопливо бежала под душ. Но дверь закрыть «забывала», и юноша входил к ней через несколько минут. Богдана изображала недовольство его появлением, но постепенно меняла гнев на милость, и Кольдер оказывался рядом. Сначала – в

качестве банщика, нежно омывающего тело красавицы, а затем – любовника... Встречи в ванной нравились Богдане едва ли не больше, чем их долгие, восхитительные, полные огня ночи.

Потом они пили кофе, если позволяло время – долго, с разговорами и шутками, или же расходились почти сразу, торопясь по своим делам. Сегодня их встреча затянулась: и проснулись поздно, и поход в ванную комнату получился упоительно долгим, поэтому из квартиры влюблённые вышли уже днём. Чтобы сесть в разные машины и разъехаться.

– Сегодня увидимся? – спросил Кольдер, когда они вышли из подъезда.

– Не раньше часа ночи, – ответила Богдана и пояснила: – Родители просили сходить с ними на юбилей к старому другу.

– Будут показывать тебя потенциальным женихам? – рассмеялся чуд.

Но рассмеялся без зла или издёвки, скорее, с пониманием, поскольку сам частенько оказывался на подобных мероприятиях – в роли потенциального жениха, и знакомился с рыжеволосыми красотками, одна из которых рано или поздно станет его женой.

– В том числе, – рассмеялась в ответ девушка. – Но я уеду с вечеринки одна.

– Буду ждать в час ночи, – мягко произнёс Кольдер.

– Договорились, – Богдана поцеловала его в губы.

– А завтра? – прищурился чуд. – Я свободен всю вторую половину дня, и мы могли бы отправиться порталом к морю.

– Завтра у меня гонка.

– Ах, верно... – Кольдер нежно провёл рукой по щеке девушки. – Увидимся в час ночи.

* * *

– Как видишь, я была права, – негромко произнесла Дагни, глядя в напряжённое лицо Мартина Ледо. – Кольдер – близкий друг Богданы.

– Ну и что? – так же тихо ответил молодой чуд. Ответил и тихо, и спокойно, однако взгляд, которым он наградил расстающуюся парочку, выдавал бушующее внутри негодование. Отец Мартина погиб во время «Лунной фантазии», и юноша даже помыслить не мог о связи с людьми. – Все наши хотят спать с зелёными ведьмами. А ведьмы хотят спать с рыцарями. Так было всегда.

– Верно, так было всегда, – не стала спорить девушка. – Но Кольдер – твой соперник, и наличие у него зелёной любовницы станет твоим преимуществом в глазах мастеров.

– Я никогда не опущусь до такой низости, – быстро и твёрдо ответил юноша.

– В чём ты видишь низость? – притворно удивилась Дагни.

– Я не собираюсь доносить на Кольдера.

– Разве я говорила о доносе?

– Нет?

– Разумеется, нет. – Она помолчала. – Я знаю, что такое честь, и это слово для меня не пустой звук.

Они сидели в машине Мартина, припаркованной напротив дома Кольдера, и ходили на родственников, на брата с младшей сестрой, поскольку внешне Дагни выглядела лет на пятнадцать, не более: хрупкая рыжая девочка с тонкими губами, остреньким носом и большими карими глазами. Но странные золотые украшения – многочисленные кольца на пальцах, соединённые тончайшей золотой цепочкой, и «взрослые», не подходящие девочке слова показывали, что именно Дагни была в их паре старшей.

– В любом поколении есть лидер, тот, кто поднимется выше всех, – продолжила девушка, и на её губах заиграла улыбка. – Необязательно сядет на трон, но окажет влияние на историю нашей семьи. В нашем поколении за право стать первым боретесь вы с Кольдером.

– Не усложняй, – поморщился Ледо. – Мы просто состязаемся, без всяких «лидеров поколения».

– Победу одержит тот из вас, кто первым сообразит, что вы не «просто состязаетесь», – ровно продолжила девушка. – Это трудно – смотреть дальше своего носа, но это единственный способ повзрослеть и хоть чего-нибудь добиться. И Кольдер, как мне кажется, уже начал это понимать.

– Неужели?

– Помнишь, как стал он тренером Джерома на прошлом турнире? – поинтересовалась Дагни, вновь поворачиваясь к спутнику.

Мартин с трудом выдерживал её взгляд, потому что... потому что... Девчонка его крепко зацепила. Но при этом юноша чувствовал в ней опасность. Притягательную опасность. Пугающую до вожделения. Поэтому он делано улыбнулся и отвернулся, не желая показывать, что спутница его волнует. Но при этом продолжил внимательно слушать.

– Кольдер знает тебя лучше всех, поэтому отправился готовить твоего соперника к схватке, – напомнила старую историю Дагни. – И Джером...

– Высадил меня в полуфинале, – хмуро закончил Мартин.

– А в финале Кольдер раскатал его в блин.

– И что?

– Мы оба знаем, что без помощи Кольдера у Джерома не было против тебя шансов, – жёстко произнесла девушка. – Ты должен был выходить в финал и сражаться с Кольдером, но Горноста́й очень хотел победить в том турнире...

– Откуда ты всё это знаешь? – неожиданно спросил Ледо.

– Родители берегли меня от Тайного Города, но рассказывали, что у вас происходит, – легко ответила Дагни. – И в том числе: что происходит среди моих сверстников. Родители понимали, что рано или поздно мне придётся с вами знакомиться.

– Твои родители много знают о происходящем.

– И они прирождённые рассказчики.

Ледо вздохнул. Дагни потрепала его по руке – дружески, без всякого подтекста, и мягко приказала:

– Едем.

Юноша завёл двигатель.

От Дагни исходил крепкий запах тайны. Настоящей тайны. Такой тайны, за которой могут стоять и кровь, и смерть. А может: много крови и много смертей. Чуда – без сомнения, чуда, причём молоденькая и очень красивая, но неизвестная в Тайном Городе, а главное – обладающая невероятными для чуд магическими способностями. Женщины Ордена, в отличие от мужчин Зелёного Дома, не были ими обделены, но не могли похвастать высоким уровнем. Рыженьким чудам с трудом давались азы магии, по классификации людов они едва дотягивали до уровня феи, но в Дагни Мартин чувствовал настоящую силу, мощную силу, ставящую девушку на один уровень с лучшими молодыми магами Великого Дома Чудь.

– Давай столкнём их лбами? – негромко предложила Дагни, когда Ледо вывел автомобиль на Ленинский проспект. – Кольдера и Богдану. Пусть увидят, что ждёт их в будущем.

А вот это прозвучало интересно и красиво: не доносить мастерам о неподобающем поведении соперника, а заставить его разругаться с подругой.

– Каким образом? – осведомился Мартин.

Девушка поняла, что наживка проглочена, и с улыбкой продолжила:

– Я слышала, что завтра люды устраивают гонки на Ярославском шоссе...

* * *

Южный Форт, штаб-квартира семьи Красные Шапки

Москва, Бутово,

6 июля, среда, 16:09

Трудно поверить, но бизнес Красных Шапок процветал...

Точнее, недавно стал процветать. Ещё точнее – к его созданию и, как следствие – к процветанию, сами дикари отношение имели весьма опосредованное, их участие ограничивалось ролью добытчиков, то есть – воровством и грабежами, а к процессу генерирования прибыли их на пушечный выстрел не подпускали.

И правильно делали.

«ЭлектроБарыгу» – интернет-магазин по реализации краденого, – придумали близнецы Томба: Майно и Лебра. До недавнего времени братья служили в казначействе Великого Дома Людь, вышибая налоги из всего, что хотя бы косвенно можно было отнести в ведению зелёных, и оптимизируя поступления в казну, то есть повышая сборы под любым благовидным предлогом, а потом придумали замечательный и необычайно выгодный стартап, позабыв, правда, сообщить о нём людям. С тех пор братья появлялись на работе эпизодически, посвящая большую часть времени новому проекту, благо руководил казначейством их родной дядя Серис Турчи, который охотно закрыл глаза на некоторые вольности племянников.

За небольшую долю в компании, разумеется...

И сейчас Майно и Лебра занимались самой увлекательной частью своих обязанностей: формированием финансового отчёта за истекшие сутки. В чём им, по мере сил, помогал великий фюрер Красных Шапок Кувалда – одноглазый и хитрый Шибзич, вот уже несколько лет удерживающий дикую семейку под своей властью. Одевался великий фюрер в традиционную для дикарей кожаную одежду: штаны и жилет, тяжёлые башмаки и красную бандану, а на его боевом поясе висело отнюдь не церемониальное оружие – ятаган. Ну и пистолет в расстёгнутой кобуре. И разумеется, всё тело одноглазого густо покрывали татуировки, которыми дикари, судя по всему, компенсировали отсутствие волос.

По большому счёту, Кувалда ничем не отличался от сородичей, напоминая облачённую в постапокалиптическую униформу обезьяну, и лишь природная шепелявость клана Шибзичей была выражена у него настолько резко, что букву «д» он произносил как «ф».

– Как у нас фела? – нетерпеливо спросил фюрер, жадно глядя единственным глазом на монитор ноутбука.

– Нормально, – коротко отозвался Лебра. Младший близнец – он появился на свет на три минуты позже Майно, – сидел перед компьютером, и его пальцы буквально порхали по клавиатуре.

– Нормально – это как?

– Цифры видишь?

– Вижу, но не верю.

– А зря не веришь, – рассмеялся Майно. – Это настоящие цифры, которые показывают, что вчерашний день мы провели с большой пользой.

– Это всё наше? – поинтересовался великий фюрер, с воодушевлением готовясь приступить к самому увлекательному после подсчёта прибыли действу – её дележу.

– Ага, наше, – подтвердил Лебра.

– Можно мою фоллю наличными? – осведомился одноглазый, отставляя ради такого случая початую бутылку виски. – Только прямо сейчас.

Он всегда задавал этот вопрос и всегда получал один и тот же ответ:

– Посчитаем – получишь, – строго ответил Лебра. – На карточку.

– Вечно вы меня обманываете, – затянул привычное Кувалда, но затянул без огонька. Было видно, что в целом он «обманом» доволен.

Шасы на настроение тоже не жаловались, и развалившийся в кресле Майно поинтересовался:

– Кувалда, ты «Отверженных» смотришь?

– Не знаю таких, – неожиданно резко и неожиданно быстро отозвался великий фюрер, и это означало, что, возможно, и не смотрит, но прекрасно понимает о чём разговор.

– Только не делай вид, что ты не в курсе, – хихикнул Лебра.

Младший близнец был куда веселее и свободнее Майно, но при этом Кувалда держался рядом с ним настороженно, постоянно опасаясь услышать в свой адрес злую шутку.

– А если я правфа не в курсе?

– Всё равно не делай вид.

Великий фюрер мрачно посопел, без восторга разглядывая болтливого шаса, сдался и ответил:

– Фа ну их всех на...

Чем не только предельно точно описал происходящее, но и дал ему взвешенную, хоть и нелицеприятную оценку.

За время плотного общения шасы успели разобраться в некоторых нюансах семантических построений Красных Шапок, поэтому прекрасно поняли всё, что хотел сказать Кувалда, и выразили обоснованное недоумение:

– Тебе плевать на то, что в семье творится? – поднял брови Майно.

– Знаю я, что в семье творится: публичный блуф на потеху челам.

– Когда это тебя возмущало?

– Когфа стало на потеху челам.

– Или когда шоу оказалось в лидерах эфира?

– Челы смотрят на Соплю с восторгом, – заметил Лебра. – Она им нравится.

– Чем? – спросил Майно, который интересовался окружающим миром лишь с точки зрения получения прибыли, а поп-культуру путал с попкорном.

– Она одновременно и шалава, и выскочка, – объяснил младший близнец. – Идеальный образ Золушки с бутылкой пива.

– И челам это нравится? – изумился Майно.

– Они обожают такие истории.

– Ифиоты, – высказался великий фюрер.

– Спорить не буду.

В действительности у Кувалды была ещё одна, куда более веская причина не любить шоу, чем банальная забота о поддержании у ржавых семейных скреп хотя бы видимости приличия. Дело в том, что Кувалду в шоу не взяли. Главу семьи. Великого фюрера. Не взяли. Точнее, послали. Когда одноглазый понял... в смысле, когда ему рассказали, что «Отверженные» получили превосходные рейтинги на человеческом телевидении, и сколько денег это может принести, великий фюрер немедленно двинул к Жуцию, чтобы выудить у конца свою долю, но был жестоко разочарован. Ясно высказанная угроза «отрезать что-нибудь лишнее», с демонстрацией ятагана и бешеным вращением единственного глаза, не произвела на знаменитого про-

дюсера ожидаемого впечатления, и груды наличных, о которых грезил Кувалда, не появились. Жуций брезгливо оглядел плохо почищенный ятаган великого фюрера и осведомился, знает ли одноглазый, как легко и просто умеют убивать ведьмы Зелёного Дома, после чего показал ошарашенному Кувалде фотографии трёх своих любовниц, младшая из которых была десятником дружины Дочерей Журавля, и осведомился, кому из них позвонить. Кувалда ответил, что никому, и позорно ретировался. И с тех пор даже слышать об «Отверженных» не хотел.

– А дочка твоя деньги лопатой гребёт, – продолжил Майно. – Жуций ей видеоблог открыл, она там болтает всякую чушь и рекламирует...

– Она мне не фочь! – завопил одноглазый.

– А Маманя говорит, что дочь, – растерялся Лебра. – У Сопли даже отчество твоё – Кувалдовна... Помнишь, она в преемники рвалась, как СопляК?

В действительности шасы прекрасно знали, что великого фюрера приводит в бешенство любое упоминание Сопли, и периодически его поддевали. Но сегодня одноглазый быстро сообразил, что в очередной раз попался на удочку, и проскрипел:

– Мля, заткнитесь, а то убью обоих, а потом скажу, что погибли при нападении и ограблении, защищая кассу, как герои, и ваши семьи получают компенсации от фирмы. – Кувалда поскрёб себя по красной бандане и с ухмылкой добавил: – Компенсацию буфет считать Урбек, так что на много не рассчитывайте.

– А кто «ЭлектроБарыгой» управлять станет? – притворно удивился Лебра.

– Урбек пришлёт клерка.

– Он с нашей программой неделю разбираться будет, – хмыкнул Майно.

– Урбек пришлёт умного клерка, – пообещал великий фюрер. – Это всё равно получится фешевле, чем вы фвое, потому что вы в фоле.

Близнецы переглянулись, в глубине души признавая правоту дикаря, но при этом понимая, что поднять руку на подданных князя Тёмного Двора тот не осмелится, после чего Лебра передёрнул плечами:

– Ладно тебе так говорить, будто ты нас уже убил.

– И до твоих детей нам дела нет, – поддакнул Майно. – Хотя это и не твои дети.

– Вроде... – добавил вредный Лебра.

Кувалда оглядел компаньонов, вздохнул и зло буркнул:

– Вы ещё не поняли, какие неприятности грянут...

Третья с утра бутылка виски почти опустела, и великий фюрер оказался под властью тягомотного философски-предсказательного состояния, во время которого он мог с одинаковой вероятностью впасть в истерику или увидеть элементы будущего. Второе – крайне редко.

– Какие неприятности? – не понял Майно.

– Грянут... – с мрачной уверенностью сообщил Кувалда.

– От Сопли?

– И её мамыши.

– Откуда неприятностям взяться?

– От баб.

Близнецы вновь помолчали, признавая неожиданную мудрость одноглазого, после чего осторожный Майно осведомился:

– И какие неприятности ты видишь?

Потому что от женщин, то есть «от баб», как их обозвал великий фюрер, проблем действительно хватало, но проблем самых разных, поэтому финансист желал конкретики.

– Пока не знаю.

Старший близнец посмотрел на брата, тот ответил пожатием плеч: Лебра в целом разделял позицию собеседников и полностью соглашался с тем, что женщины являются основным

источником неприятностей в идеальном, выстроенном мужчинами мире, но в данном случае угрозы не видел.

Майно поджал губы, беззвучно сообщив брату, что он идиот, услышал беззвучный, но столь же нелиприятный ответ, и вновь обратился к одноглазому:

– Слушай, Кувалда, я...

И был грубо перебит: дверь в кабинет распахнулась, а появившийся на пороге боец Заморыш испуганно доложил:

– Там эта... Твое великофюрерство, к тебе... к вам... эта... делегация. Пожаловала.

После чего попытался вжаться в стену.

– Какая фелегация?! – рывкнул Кувалда, машинально хватаясь за ятаган. И с горечью подумав, что Заморыш, конечно, не Копыто, который эту делегацию ещё в лифте перестрелял бы.

– Делегация твоих самых лучших и самых перспективных подданных! – громогласно сообщила Маманя, отодвигая Заморыша с дороги. – Думаю, ты знал, что мы придём. И радвался.

– Чему рафовался? – не понял великий фюрер, не выпуская оружие.

– Что мы придём.

– Пора в этой семье навести порядок! – пропищала из-за спины Мамани Сопля. – Здравствуй, папа.

– Ты это кому?

– Пора заглянуть в будущее и увидеть в нём нас!

– Здесь свет плохой! Нужна «переноска».

– Будем пудрить одноглазого?

– Не надо, он так страшнее.

– Может, вставим ему выпирающую челюсть?

– Обойдётся.

– Что происходит? – поинтересовался Майно.

– Кувалда, гони их прочь! – распорядился Лебра, закрывая ноутбук.

Но голоса шасов потонули в поднявшемся шуме.

Вслед за здоровенной Маманей в кабинет ворвались Сопля Кувалдовна Дурич, ещё одна молодая Шапка, в которой одноглазый, после некоторых сомнений, опознал Штанину Гнилич, и оператор «Отверженных» с ассистентом, осветителем и гримёром. Кабинет великого фюрера был достаточно большим, в нём даже проходили совещания уйбуев, но семеро незваных гостей ухитрились занять его полностью и устроить такой шум, что даже прошедший день рождения показался Кувалде тихим, излишне сдержанным праздником.

– Где будет перестрелка?

– Наверное, у стола.

– Лучше у сейфа, так драматичнее.

– Что делать с шасами?

– Случайные свидетели, обрызгайте их кровью, а потом возьмём интервью.

– Дрон работает?

– Да.

– Какой ещё фронт? – не выдержал великий фюрер.

– Мы снимаем с разных ракурсов, – не оборачиваясь, сообщил ассистент, распахивая окно.

Снаружи, как выяснилось, маячил дрон.

– Чтобы ты лучше получился, – съязвила Маманя, глядя на сурово насупившегося Кувалду.

– Я или вы? – попытался парировать фюрер, но не получилось.

– Мы заgrimированы, – хихикнула Сопля. – А у тебя во всю физиономию вчерашнее похмелье вылезло.

Тут даже Штанина не удержалась от дерзкого хохота, и публично оплётанный Кувалда протянул:

– Мля... – и выразительно посмотрел на близнецов. Мол, убедились, как всё плохо?

Убедившиеся шасы ответили великому фюреру мрачными взглядами, но промолчали, предложив, таким образом, Кувалде начать разбирательство самостоятельно.

– Зачем явились?

– Посмотреть.

– Мы тут фелом занимаемся.

– Вижу, – подтвердила Маманя, уверенно приближаясь к ноутбуку. – И ваше дело мне очень даже интересно.

– Шла бы ты отсюда, – процедил одноглазый, но без должной уверенности. И рука вроде на ятагане, и злость в глазу горит, и рот перекошен в бешенстве, но не было в великом фюрере уверенности. Не было. Проклятый указ Берегини Трона «О гендерной политике в любезной семье Красные Шапки», который требовал дать женщинам семьи кусочек власти, связывал одноглазого по рукам. Ну и присутствие оператора, конечно же, смущало. В результате наглые тётки остались в живых.

– Прекрасный типаж, – прошептал оператор, разглядывая взбешённого Кувалду. – Сколько экспрессии.

– Его поставим в тизер, – решил Жуций, благоразумно не отправившийся в фюрерскую башню, но наблюдающий за происходящим онлайн. – Он будет драться?

– Может быть.

– Жаль, если не будет... Но ничего: рано или поздно ему придётся.

А в кабинете великого фюрера события шли своим чередом.

– Здравствуйте, шасы, – осклабилась Маманя, усаживаясь напротив близнецов. – Давно не виделись.

– Ну, вообще я тебя никогда не видел, – буркнул Майно.

– А я тебя уже забыл, – пропищал Лебра.

– Но нам всё равно есть о чём побазарить, – подытожила Маманя. – Правда?

– Неправда.

– Правда.

Сопля хихикнула, Штанина, которая впервые оказалась в подобной ситуации, криво ухмыльнулась, ожидая дальнейшего развития событий, и попыталась встать в центр кадра. Сопля дала дерзкой подруге по башке и сообщила зрителям:

– Сейчас мы покажем великому фюреру, где тут власть.

– Кто здесь власть! – поправил её Жуций и выругался.

– Покажем великому фюреру, кто здесь где, – поправила Сопля, мозги которой до сих пор не набрали нужной алкогольной кондиции и слегка путались.

– Никто не смеет обижать детей! – зачем-то добавила Штанина, чем привлекла к себе внимание. – Пусть они выступают где хотят!

– Это что ещё за чучело? – кивнул на неё Кувалда.

– Не чучело, а будущий уйбуй Гниличей, – хмыкнула Маманя, решив отвлечься от надувшихся шасов.

– Расползается, значит, зараза, – прокомментировал происходящее фюрер.

– Ты сейчас о чём? – прищурилась Сопля.

– Об указе королевы? – добавила Штанина.

Кувалда замер.

– Она ещё Берегиня, – напомнил Майно.

И тут же получил:

– Ты тоже против королевы?

Маманя очень хотела надавить на шаса, но не удалось.

– Естественно, против, – в упор глядя на тётку Дурич, ответил Майно. – Я из Тёмного Двора, дура, я генетически против вашего Великого Дома.

– Как ты меня назвал?

– Повторить или не позорить в прямом эфире?

Майно был горд собой: во-первых, он едва ли не впервые употребил бранное слово в присутствии женщин; во-вторых, в адрес одной из присутствующих женщин; и в-третьих, останется безнаказанным. Майно радовался, как ребёнок, и Лебра про себя отметил, что общение с дядей Урбеком не прошло для старшего брата бесследно.

Жуций, который внимательнейшим образом следил за происходящим, сообщил режиссёру, что если Маманя не убьёт наглого шаса на месте, то эпизод придётся вырезать.

Пришлось вырезать.

– Зачем явились? – резко спросил одноглазый, надеясь развить успех Майно.

Но не развил.

– За деньгами, – не менее резко ответила Сопля, предоставляя Мамане возможность перевести дух и прийти в себя.

– Своих мало?

– Наследством интересуюсь.

– Сначала его заработай.

– Уже.

– Что «уже»? – не понял фюрер.

– Уже заработала, – объяснила Сопля. – Когда ты мамочку мою единоутробную в своём вот этом кабинете после полов мытья прямо на столе...

– Не было ничего такого! – рявкнул Кувалда.

– Напрасно ты доченьку родную, кровинушку, признавать отказываешься, напрасно... – елеинным тоном произнесла вернувшая себе самообладание тётка Дурич. – Но мы с тобой, любимый, после переговоров, по-семейному. А пока у нас другая тема – деньги.

– Какие феньги? – насторожился одноглазый.

– За «ЭлектроБарыгу».

Великий фюрер бросил быстрый взгляд на шасов. Шасы ответили уверенным молчанием: когда речь заходила о финансах, они говорить не торопились.

– Нам нужны деньги.

– Мне тоже.

– Нам – для семьи, – подчеркнула Маманя.

– Мне тоже.

– Значит, ты меня понимаешь, – рассмеялась тётка Дурич и хлопнула Кувалду по плечу. Хлопнула так, что одноглазый едва не влетел в стену. – «ЭлектроБарыга» должен работать на всю семью. И должен приносить прибыль. Нам. Всем.

– Он и работает на всю семью.

– Тогда где моя доля?

– Принеси товар – получишь фолю.

– Ты приносишь – мы продаём, все счастливы, – объяснил нехитрую комбинацию Лебра. – Товар – деньги...

– Я – из руководства, – веско сообщила Маманя. – Меня королева назначила быть женщиной.

– Тогда отбери товар у своих подчинённых, принеси, мы его продадим, и все тоже будут счастливы, но чуточку по-другому, – переделал комбинацию Лебра.

– Нет у неё пофчинённых, – засмеялся одноглазый. – Кроме Фуричей, а они от неё товар прячут.

– Не прячут!

– Тогфа гфе он?

Было видно, что владельцы «ЭлектроБарыги» собираются стоять до конца, и тётка Дурич решила резко сменить тактику.

– То есть договариваться по-хорошему мы не желаем? – насупилась Маманя.

– Нет, – кивнул великий фюрер, продолжая тискать ятаган.

Кувалда думал, что сейчас последует продолжение, громкие вопли, плавно переходящие в оскорбления, но Маманя вдруг резко повернулась и ткнула пальцем в Майно:

– Ты!

– На меня можешь не смотреть, – твёрдо произнёс старший близнец. – И на брата тоже. Мы с тобой договариваться не собираемся.

– Это ещё почему?

– Потому что наша доля не пересматривается ни при каких обстоятельствах.

– Это ещё почему?

– Тебя что, заклинило?

Маманя ошалело посмотрела на дерзких шасов – она не ожидала, что хлипкие брюнеты осмелятся столь нагло с ней спорить, и атаку попыталась продолжить Штанина. Юная Гнилич очень хотела показать себя, особенно на камеру, вот и вклинилась в разговор.

– Вы тут здесь у нас вообще не забываетесь! – завопила она, размахивая тощими конечностями. – Вы нам все должны! За всё должны! За все репрессии должны! Вы нас обманывали сотни лет, так что теперь вам платить и каяться, убийцам! Платить и каяться!

– Прекрасно, – прошептал Жуций. – Очень эмоционально.

Однако шасы, к огромному разочарованию конца, оказались готовы к подключению излишне деловой Штанины.

– Слушай, это ты вчера бегала по Форту и кричала, что излечила сифилис? – презрительно осведомился Майно.

– Триппер, – машинально поправила его Гнилич, обрывочно припомнив детали прошлого вечера.

– Пересядь чуть дальше, – распорядился Лебра. – У меня новая, очень ревнивая девушка, не хочу ничего подцепить.

У Штанины задёргался парик.

– Если триппер, то, скорее всего, Бушприт нашкодил, – добил глупую девицу одноглазый. – Больше некому. – И широко улыбнулся: – Где он тебя подловил?

В ответ оскорблённая Гнилич разразилась матерными воплями.

– Это тоже вырезать, – распорядился Жуций, который уже понял, что его протеже рано общаться с шасами на тему денег. А возможно, они никогда до этого не созреют.

– Делиться будете? – в последний раз поинтересовалась Маманя.

– Мы не амёбы, – хихикнул Лебра.

– Ещё раз сюда притащитесь – отключим «Барыгу», и станете снова к Урбеку бегать, – холодно заявил Майно.

– Ну и будем.

– А Урбек с «ЭлектроБарыгой» в доле, и вряд ли ему понравится, если вы опять начнете отираться на его складе.

– Дядя Урбек говорил, что без вас воздух чище, – добавил Лебра. И не менее резко, чем Маманя пару минут назад, бросил: – Теперь всё понятно?!

– Понятно, – буркнула тётка Дурич, отворачиваясь от камеры.

– Не слышу, – повысил голос старший близнец.

Великий фюрер хохотнул и сделал глоток виски. Лебра посмотрел на цифры вчерашнего дохода и приятно улыбнулся.

– Думаете, прижали? – злобно ощерилась Маманя.

– Не думаем, а знаем.

Тётка повернулась к одноглазому.

– Тогда поговорим с тобой...

– И со мной говорить не нафо, – отрезал тот, хорошо запомнив манеру поведения компаньонов. – В «ЭлектроБарыге» других акционеров не буфет!

– Ты что, шас?

– Шас не шас, но шас как прикажу вас повесить...

– То есть ты против королевы?

Но Кувалда уже придумал, как парировать обвинения в измене:

– А что, королева буфет плакать, если я тебя повешу?

– Что?

– То, что слышала, – продолжил напирать великий фюрер. – Буфешь слишком возникать – завтра же у Фуричей появится новый уйбуй в юбке. А королева фаже не узнает, что в команфе случилась замена... Или ты фумаешь, она вас в лицо различает, фур крашенных?

Это был нокаут.

– Зря ты так, – пробубнил Лебра, но тихо, чтобы женщины не услышали. – Этого они тебе не простят.

Однако сейчас великому фюреру было плевать на предупреждения: он наслаждался происходящим так же, как Майно несколько минут назад. Гендерный маятник Красных Шапок качнулся в обратную сторону.

– То есть ты нам денег тоже не дашь? – прищурилась Маманя.

– И не нафейся.

– Посмотрим! – И тётка Дурич обиженным бульдозером вылетела из кабинета.

– Пожалеешь, папа, – прошипела Сопля.

– Как ты меня назвала?

Одноглазый хотел швырнуть в наглую малолетку что-нибудь тяжёлое, но та успела вовремя покинуть кабинет. Уходящая последней Штанина продемонстрировала присутствующим средний палец и с силой захлопнула дверь перед носом оператора, едва не разбив дорогостоящую камеру.

– Женщины, – вздохнул Лебра.

– Тебе виднее, – хмыкнул Майно.

– Да, с ними тяжело.

– Что фелать буфем? – попытался влиться в разговор Кувалда, но услышал прохладное:

– У тебя проблемы, ты и думай.

– Но к деньгам их лучше не подпускать.

– Это понятно.

Братья посмотрели на унылого фюрера, поняли, что в лысой голове вождя нет ни единой подходящей мысли, переглянулись, и Лебра произнёс:

– Уговори зелёных отменить этот идиотский указ. Иначе наплачешься.

Одноглазый обдумал совет и кивнул:

– Наверное, нафо.

И тяжело вздохнул.

* * *

Москва, Средний Овчинниковский переулок,

6 июля, среда, 16:21

Несмотря на вопли Птиция о том, что он крайне занят, безумно занят, немислимо занят и не в силах уделять «этим бестолковым наёмникам столько времени, сколько они требуют», торопиться Артём и Кортес не стали. Сытно и вкусно пообедали – на поварах в «Ящеррице» не сэкономили, поскольку управляющий считал вкусную еду лучшим обрамлением шоу, – поговорили о погоде, политике, экономике и видах на грибы в этом году, чем довели конца до белого каления, и лишь после этого приступили к работе. Кортес взял клубный «Мерседес», на котором охранники развозили по домам припозднившихся клиентов, и поехал в «Тиградном», в главную телекоммуникационную компанию Тайного Города, специалисты которой, умело смешивающие магию и технологии, могли провести идеальный поиск объекта с применением всех существующих современных средств. А Птиций и Артём на внедорожнике наёмников отправились в Замоскворечье, где ушлый конец повстречал очаровавшую его девушку.

– Здесь! – крикнул управляющий, когда машина оказалась примерно посередине переулка. – Я видел её здесь!

И огляделся с таким видом, словно чаровница должна вот-вот появиться вновь.

– Точно? – прищурился наёмник, останавливая внедорожник.

– Абсолютно, – конец уверенно ткнул пальцем в проход между двумя домами: – Она вышла оттуда.

«Со стороны Большого Овчинниковского, – машинально отметил Артём. – Похоже, Кортес не ошибся».

А вслух спросил:

– Девушка была одна?

– Да.

– И появилась примерно в половине четвёртого?

– Да.

– Что она делала?

– Шла, – ответил конец, выдержав короткую паузу. – Я уже говорил. И про время говорил... Ты что, меня проверяешь?

– Уточняю, – спокойно ответил умеющий врать Артём, сохраняя на лице идеально невозмутимое выражение. – Я должен точно понимать, как произошла ваша встреча.

– Зачем?

– Чтобы найти твою красавицу.

– Откуда ты знаешь, что она красавица? – с подозрением осведомился конец.

– Хочешь сказать, что влюбился в уродину?

Несколько мгновений Птиций обдумывал неожиданный вопрос, после чего мотнул головой:

– Нет.

– А если бы я хотел тебя проверить, – размеренно продолжил Артём, – то спросил бы, что ты здесь делал в столь поздний час.

– Понятно, – коротко ответил конец и отвернулся.

В разговоре возникла пауза. Птиций изучал окрестности, Артём – Птиция. Через несколько секунд им обоим стало скучно, и конец поинтересовался:

– Что дальше?

Наёмник поднял брови:

– Что ты здесь делал в столь поздний час?

– Скорее уж, в столь ранний час, – язвительно отозвался управляющий.

– Не принципиально.

– Тогда чего ты ко мне пристал?

Ответить на этот вопрос честно наёмник тоже не мог, ведь тогда пришлось бы признать, что он проверяет конца на причастность к убийству нава, пришлось выкручиваться:

– Ты просишь нас отыскать девчонку, но ничего о ней не рассказываешь, – произнёс Артём, глядя толстяку в глаза. – Мы, по дружбе, решили тебе помочь, но должны быть уверены, что ты не впутаешь нас в преступление.

– По дружбе? – перебил наёмника конец. – Вы мне счёт пообещали выставить!

– Что ты здесь делал?

– Гулял!

– Птиций, я серьёзно.

– А что я здесь мог делать? – огрызнулся толстяк. – Ты действительно задал этот идиотский вопрос или мне приснилось? Естественно, я возвращался от подруги.

– У неё есть имя?

– Не слишком ли ты любопытен?

– Обычно ты любишь прихвастнуть своими подвигами.

– Ну... – Птиций поразмыслил, потом решил, что действительно давно не бахвалился и гордо сообщил: – Я ночевал у Алисы де Кок.

– У дочери командора войны, – присвистнул Артём. – Он же тебя убьёт.

– За что? – изумился управляющий. – Слушай, Артём, Алисе сорок два года. По меркам чудов – самый расцвет, девушка не просто аппетитная, а супераппетитная, но рыжие идиоты считают её старой девой. Алиса бесится, что никак не может подыскать себе нормального жениха, между прочим, во многом благодаря папочке, распугавшему потенциальных ухажёров, вот я и... утешаю её, как могу.

– И как? – машинально спросил наёмник.

– Превосходно! – выдохнул Птиций, но от дальнейших подробностей уклонился. – Ты доволен?

– Вполне, – кивнул Артём. После чего вышел из машины, заставив конца последовать за собой, и продолжил расспросы: – Почему ты уехал так рано?

– Алиса выжала меня досуха.

– Прими мои поздравления.

– Завидуй чуть-чуть тише, – самодовольно попросил Птиций. – На нас прохожие оборачиваются.

– Рассказывай, что было дальше.

– Я подошёл к машине, она вот тут была припаркована, – конец ткнул пальцем в занятое сейчас место. – Потом поднял голову и увидел... её.

Если девушка действительно появилась со стороны Большого Овчинниковского, Птиций не мог её не увидеть.

– То есть, выходя от выжавшей тебя Алисы, ты засмотрелся на другую девицу? – усмехнулся Артём.

– А ты давно перестал засматриваться?

– С тех пор, как познакомился с Ингой.

– Ну и зря.

- Инга – ведьма, – пошутил наёмник.
- Большинство моих подруг – тоже.
- Но...
- Ага, ещё скажи, что у тебя с Ингой любовь.
- Не твоё дело, – проворчал Артём. Через секунду он увидел то, что давно искал взглядом – прикреплённую к стене видеокамеру с нужной зоной обзора, и набрал номер напарника:
- Кортес, в нужное нам место смотрит одна из камер торгового центра. Нужное нам время ты знаешь.
- Ты стал говорить, как конец, – хмыкнул в ответ старший наёмник.
- Передавай ему привет, – попросил Птиций.
- Тебе привет.
- Ну, точно... – А в следующий миг Кортес стал серьёзен и пообещал: – Минут через десять мы взломаем сеть торгового центра и посмотрим, кто бродил по Замоскворечью этой ночью.

* * *

Офис компании «Тиградком»

Москва, 1-я Брестская улица,

6 июля, среда, 16:36

Штаб-квартира главной телекоммуникационной компании Тайного Города, знаменитого «Тиградком», обеспечивающего жителей древних рас современной связью и возможностью общения вне зоркого глаза человеческих организаций, располагалась неподалеку от Белорусского вокзала, в «ничейном» центре города, хотя и рядом с границей территории Тёмного Двора. Внешне здание не отличалось от соседних и других обыкновенных московских построек, но в действительности представляло собой настоящую крепость, охрану которой несли все три Великих Дома. Чтобы оказаться внутри, требовалось пройти через две линии защиты: обыкновенную, техническую и магическую, гораздо более строгую, в том числе включающую проверку ауры, поскольку Ярга умел обращать свободных разумных в своих верных последователей. Проверку проходили все, независимо от генетического статуса и положения в Тайном Городе, поэтому Кортес оказался внутри минут через десять после приезда на Первую Брестскую.

О своём визите наёмник предупредил заранее, причём не кого-нибудь, а Егора Бесяева, директора «Тиградком», с которым они давно дружили, поэтому Кортеса ждали и сразу же препроводили в небольшой кабинет, в котором наёмник и приданный ему оператор скоротали время до звонка Артёма. Поступивший вызов Кортес вывел на громкую связь, поэтому ломать компьютерную систему торгового центра оператор начал ещё до того, как закончился разговор, и вскоре доложил:

– Готово!

Большинство специалистов «Тиградком» были лицензированными магами, благодаря чему умели делать во всемирной паутине намного больше, чем обыкновенные хакеры.

– Они хранят записи с видеокамер? – тут же поинтересовался Кортес.

– Да, – отозвался оператор. – Одну минуту... Вот они.

На мониторе появился список следящих камер, оператор выбрал ту, которая наблюдала за нужной зоной переулка, включил просмотр черно-белого видео, а ещё через пару секунд удалил лишнее, оставив лишь часовой промежуток между тремя и четырьмя часами утра. Запустил ускоренный просмотр, но вернулся к нормальной скорости, когда на экране появился Птиций.

– Его ждём?

– Да, – кивнул Кортес.

– Кóнец?

– Да.

– Судя по походке, у него была бурная ночь.

– Для него – обычная.

– Можно только позавидовать.

– Согласен.

Птиций подошел к белому, в цветочек, кабриолету «Мерседес», но остановился, глядя в пространство между домами.

– Сейчас она появится, – пробормотал Кортес.

– Я понимаю...

И через пару секунд из темноты вышла хрупкая, невысокая девушка в чёрном плаще с откинутым капюшоном. Одежда скрывала фигуру, но если судить по росту и лицу, девушке было не более пятнадцати-шестнадцати лет. Она спокойно прошла мимо опешившего конца и скрылась на другой стороне переулка, направившись к набережной.

Встреча закончилась, едва начавшись.

– А он стоял, как громом поражённый... – рассмеялся оператор.

– Да ты романтик, – скупно улыбнулся ему в ответ Кортес.

– Что тут ещё можно сказать?

– Пожалуй, ты прав – ничего. – Наёмник провел рукой по волосам. – Мне нужна фотография красавицы.

– Одну секунду. – Оператор вернул запись назад, приблизил изображение таинственной незнакомки, обработал его в мощном редакторе и отправил по электронным адресам, которые были в базе данных «Тиградком» – Артёму и Кортесу. После чего задумчиво посмотрел на лицо девушки.

– Кажется, она рыжая.

– Скорее всего, – согласился наёмник.

– Симпатичная.

– Слишком симпатичная.

– Ты говоришь так, будто это плохо.

– Откровенно красивые женщины привлекают внимание, – медленно объяснил Кортес, не сводя глаз с рыжей девушки. – А такие, как эта – проникают в душу. Не зря же она очаровала конца.

– Может, ему захотелось разнообразия, – рассмеялся оператор. – Вышел от блондинки, увидел рыжую и загорелся.

– Может, и так, – кивнул наёмник и поздравил себя с тем, что его маленькая хитрость сработала: одним-единственным замечанием ему удалось сосредоточить внимание оператора на внешности девушки. А не на том, из-за чего её на самом деле ищут.

Кортес, говоря откровенно, и сам не понимал, что происходит. Он трижды прокрутил короткое видео встречи конца и незнакомки, внимательно рассмотрел её лицо, не менее пристально изучил физиономию конца, мысленно развёл руками, признавая, что не способен разгадать загадку... а в следующий момент сообразил:

«Нужно искать не то, что есть на записи, а то, чего нет. Птиций – маг, пусть и слабый, поэтому он и смог увидеть то, что не смогла запечатлеть обычная видеокамера. И заинтересовался...»

Наёмник в последний раз посмотрел на фото незнакомки, прошептав:

«Что же ты скрываешь, красавица?»

И попросил:

- Давай проверим нашу девушку по всем базам данных.
- Вообще по всем? – уточнил оператор.
- Сначала по «Тиградком», а затем – по человеческим. Хочу знать, откуда она явилась.
- Я думал, нужно узнать, где она сейчас.
- Если ты её найдешь, я поставлю тебе памятник, – пообещал Кортес.
- Из золота? – наострил уши оператор.
- Из булыжника, – ухмыльнулся наёмник. – Чтобы на века.

* * *

Цитадель, штаб-квартира Великого Дома Навь

Москва, Ленинградский проспект,

6 июля, среда, 16:44

У «Ласвегасов» не получалось.

Разумеется, никто не идеален и даже лучшим аналитикам случалось допускать ошибки, в том числе обидные, но никогда они не попадали впросак в столь важном деле. Убийство Барраги всколыхнуло и Тёмный Двор, и Тайный Город, все замерли, привычно ожидая быстрого расследования и беспощадной мести, а лучший аналитик и лучший предсказатель не могли отыскать шныряющего по Москве голема.

Распоряжение Сантьяги найти и установить наблюдение за созданным Баррагой мстителем вызвало у Тамира ухмылку... Нет, даже ухмылки не вызвало, поскольку шас не рассматривал распоряжение как задачу – просто часть текущей работы, которая даже на пять минут не отвлечёт его внимание. Тамир выудил из папки стандартный алгоритм поиска големов, набросал дополнительные условия: клеймо мастера, приблизительное время активации, зону активации, прогноз действий... запустил файл и занялся другими делами. Минут через двадцать вспомнил, что давно уже должен был прочитать рапорт от автоматической системы наблюдения, поискал его во входящих, не нашёл, вернулся к поиску и с удивлением обнаружил, что программа не справилась с заданием. Коротко выругался, потребовал подробный отчёт и с ещё большим удивлением узнал, что отсутствуют совпадения по всем параметрам.

Голем оказался невидимым для магического поиска.

На этот раз Тамир выругался покрепче, почесал в затылке и понял, что Баррага использовал маскировку, скрывающую истинную, магическую суть мстителя. Старый мастер рассуждал здраво: если убийцей окажется опытный маг, подобраться к нему будет крайне сложно, и потому мститель не должен вызывать подозрений до самого последнего момента, до того мгновения, как будет нанесён смертельный удар. Эта логика была безупречна, но, к сожалению, шла

вразрез с интересами Тамира, которому требовалось во что бы то ни стало отыскать мстителя до того, как тот атакует убийцу.

Но что предпринять, шас не знал.

– Ну, как дела? – поинтересовался вернувшийся в кабинет «ласвегасов» Доминга – с тех пор, как по соображениям безопасности была запрещена магическая курьерская доставка внутрь Цитадели, навам приходилось получать заказы у ворот, и Доминга заявился в кабинет с тремя пиццами. – Никак?

– Не «нукай», не запрыгал, – угрюмо отозвался Тамир.

– Никак. – Предсказатель раскрыл верхнюю коробку и взялся за кусочек горячей пиццы. – Хочешь «гавайскую»?

– Не запрыгал... – повторил шас, не расслышав или сделав вид, что не расслышал вопрос.

– Тебя, пожалуй, запряжешь, – хихикнул Доминга.

– Спасибо на добром слове.

– Такого, как ты, надо сразу тащить на живодёрню.

– Это ещё почему? – поднял правую бровь Тамир.

– Потому что бесполезен.

– Я бы на твоём месте не рисковал бросаться подобными заявлениями.

– Поэтому ты не на моём месте.

Тамир отодвинулся от компьютера и горестно признался:

– Не получается.

– Если не получается – надо поесть, – философски заметил нав, принимаясь за следующий кусок пиццы. – Или подождать.

– Чего ждать?

– А ты не догадался?

Несколько секунд Тамир молча рассматривал довольного собой Домингу, размышляя, чем именно следует в него запустить, а затем прищурился, сообразив, что...

– Рано или поздно у мстителя закончится магическая энергия!

– Верно.

– И что?

– И что? – передразнил его нав, открывая вторую коробку.

– Не сожри всё, – велел шас. – Это на двоих.

– Тогда иди есть – остывает.

– Сейчас... – Тамир потёр кончик носа. – Когда у мстителя закончится магическая энергия, он прилетит в лабораторию...

– Не будь идиотом, – вздохнул Доминга. – Баррага прекрасно понимал, что его птичке может потребоваться закуска, и наверняка снабдил её устройством прямого подключения к Источнику.

– Чтобы мститель ни на минуту не прекращал поиск.

– Верно, именно для этого.

Обычные големы работали от встроенных «батареек» с магической энергией, и владельцы подзаряжали их в ручном режиме. Но в редких случаях в искусственных существ добавляли контур прямого подключения к Источнику магической энергии соответствующего Великого Дома, и тогда големы работали бесперебойно, самостоятельно пополняя запас по мере необходимости. Такие контуры намного увеличивали стоимость куклы, но в некоторых случаях цена не имела значения.

– Начни отслеживать подключения к Источнику, – посоветовал другу Доминга. – И проверь все подозрительные каналы. Уверен, рано или поздно птичка захочет кушать.

И откусил следующий кусок пиццы.

* * *

Москва, Лефортовская набережная,

7 июля, четверг, 17:33

Сдемиру всегда нравились реки. И горные – бурные, быстрые, шумные, резкие, и равнинные – полноводные, с виду неспешные, но скрывающие под тяжестью медлительности гигантскую энергию. Сдемиру нравилась их изменчивость, постоянное обновление и движение. Он и сам был, как вода – текучим, подвижным, устремлённым пройти сквозь любую преграду, и остановить его могла только смерть.

Но пока не останавливала.

Река... Вечное движение, а значит – жизнь. Не застойное болото и не сонное озеро.

Движение...

Когда Сдемиру требовалось подумать – серьёзно подумать, а не решить, в какой рубашке он покажется более мужественным на официальном фото, – барон частенько отправлялся на берег ближайшей реки и часами молча стоял на берегу, не сводя взгляда с движущейся воды. Вот и сейчас, возвращаясь из дворца, он остановился на набережной и замер, облокотившись на парапет.

«Что не так?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.